

АЛЕКСЕЙ ГОРБЫЛЕВ

НИНДЗЯ

ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Алексей Михайлович Горбылев
Ниндзя. Первая
полная энциклопедия
Серия «Лучшие воины в истории»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22460845

*Алексей Горбылев. Ниндзя: первая полная энциклопедия: Яуза, Эксмо;
Москва; 2016*

ISBN 978-5-699-89060-6

Аннотация

Такой книги еще не было – не только в России, но и на любом из европейских языков. Это – единственная полная энциклопедия НИНДЗЯ, основанная на аутентичных японских источниках. Всё о воинском искусстве ниндзюцу и легендарных воинах-«невидимках», прозванных «демонами ночи» (слово «синоби», являющееся синонимом «ниндзя», в переводе с японского означает «разведчик-диверсант»).

Происхождение ниндзя и генезис их уникальных боевых навыков, становление и расцвет ниндзюцу в эпоху междоусобных войн и его упадок при сегунате, «кодекс чести» и тайны мастерства, величайшие «школы» и «кланы» ниндзя, их оружие и снаряжение, огневые средства и шпионские приспособления, лекарства и яды – для этой энциклопедии нет секретов!

Она не имеет ничего общего с теми дешевыми сенсациями, рекламными мифами и киноштампами, которыми пичкают неискушенную публику. Это – серьезное профессиональное исследование, базирующееся на колоссальном объеме информации, собранной автором во время его поездок в Японию, на средневековых «гункимоно» («военных повестях»), где можно найти детальные описания операций лазутчиков, на дневниках и приказах военачальников, генеалогиях знаменитых семей ниндзя и подлинных руководствах и наставлениях, сотни лет передававшихся ими из поколения в поколение.

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Кто такие ниндзя?	20
О школах ниндзюцу	25
Что такое ниндзюцу?	27
Вехи истории ниндзюцу	30
Оружие и снаряжение ниндзя	40
Часть 1. История ниндзюцу	44
Глава 1. У истоков ниндзюцу	44
Лазутчики из небожителей	46
Мити-но Оми-но микото – родоначальник японской криптографии	50
Похитители священной глины	53
Ямато Такэру – царевич-диверсант	54
Китайские истоки японского ниндзюцу	58
Военная доктрина Сунь-цзы	65
Учение Сунь-цзы и стратагемы	82
Использование шпионов в доктрине Сунь-цзы	86
Кто привез «Сунь-цзы» в Японию?	97
Корейские «уроки»	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Алексей Горбылев

Ниндзя: первая

полная энциклопедия

© Горбылев А.М., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Предисловие

Дорогой читатель!

Книга, которую ты держишь в руках, посвящена одному из самых загадочных аспектов дальневосточной традиции воинских искусств – средневековому японскому искусству шпионажа *ниндзюцу* и его замечательным мастерам – *ниндзя*.

Данная работа создана на основе широкого круга источников и материалов, существующих в основном на японском языке, и является на сегодняшний день, наверное, самым полным исследованием по истории *ниндзюцу* на европейских языках. При всем этом она, конечно, не ставит конечную точку в изучении средневекового японского искусства шпионажа и не претендует на истину в последней инстанции.

Шпионаж во все времена был делом секретным, а потому всякий, кто берется за исследование какого-либо из аспектов этой темы, должен быть готов продираться через лес недомолвок, искусных фальшивок и откровенных фантазий, сознавая, что неминуемо обречен на ошибки и неточности. Особенно – если речь идет об исследовании методов шпионажа, рожденных другой культурой и на столетия отстоящих от нас во времени.

Сознавая несовершенство своего труда, в то же время я верю, что он может послужить отправной точкой в исследовательском поиске тех профессионалов и любителей, кото-

рые пожелают пойти дальше меня в изучении этой удивительно интересной темы – истории средневекового японского искусства шпионажа.

В завершение хочу поблагодарить издательство «Яуза», которое согласилось издать эту книгу.

Алексей Горбылёв

Введение

忍心

僻

Иероглифическое написание слова *ниндзюцу*

Средневековые японские шпионы и диверсанты *ниндзя* и их загадочное профессиональное искусство *ниндзюцу* относятся к наименее исследованным областям военной истории человечества.

История изучения этого феномена на Западе не насчитывает и пятидесяти лет. По большому счету, все началось с небольшой заметки в журнале «Ньюсуик» за 3 августа 1964 г. Автор рассказывал в ней о волне «ниндзямании», захлестнувшей Страну восходящего солнца, вкратце описывал сущность и методы *ниндзюцу* и представлял «последнего мастера» этого загадочного искусства – Фудзиту Сэйко. Заметка вызвала большой интерес у американских ученых. По свидетельству Ямагути Масаяюки, одного из крупнейших японских специалистов в области истории *ниндзюцу*, в том же 1964 г. из Гарвардского и Калифорнийского университетов, а также университета г. Гонолулу, что на Гавайских островах, в Японию поступили запросы о предоставлении материалов о *ниндзя*.

Каковы были результаты исследований американских историков, автору книги неизвестно. Но именно после этой заметки, опубликованной в одном из самых влиятельных общественно-политических журналов с тиражом более 3 млн экземпляров, в США начался бум *ниндзя*. Спустя некоторое время он был подстегнут многочисленными кинобоевиками

о японских «невидимках», авантюрными романами и многочисленными рекламными книжонками.

Спрос на информацию о *ниндзя* был колоссальный. И мощная американская индустрия с готовностью откликнулась на него: на прилавках специализированных магазинов появились униформа и снаряжение *ниндзя*, самоучители «по боевой технике воинов-теней». Свою долю пирога поспешили урвать и последние «мастера *ниндзюцу*», которые, как грибы после дождя, начали один за другим обнаруживаться в различных странах. Некоторые из них оказались чрезвычайно успешными и смогли создать крупные организации, объединяющие десятки тысяч поклонников по всему свету. Таковы Будзинкан, Гэмбукан, Дзинэнкан, Всемирная академия *ниндзюцу* Роберта Басси и другие, по сути представляющие собой своеобразные коммерческие предприятия, занимающиеся торговлей «заморской диковинкой».

Для рекламирования «тайного искусства» широко использовались отработанные методы привлечения публики: побольше загадочности и мистики, побольше обещаний и заверений типа «наше искусство – самое древнее и эффективное», побольше необычных приемов, побольше басен о сверхвозможностях – и доверчивый «буратино» с готовностью расстается со своими золотыми.

Очень важно было подать всё под «правильным соусом». Ведь средневековые приемы маскировки, беганья по лесам и физическое и психическое самоистязание в духе современ-

ного спецназа могут заинтересовать разве что молодых парней, переполняемых энергией и азартом, чудаков-любителей да профессионалов из соответствующих структур. Подлинно широкая публика к таким «забавам» равнодушна. И вправду, зачем всё это «офисному планктону», рабочему или школяру? Однако «популяризаторы» *ниндзюцу* сумели найти приманку и для «широких народных масс». *Ниндзюцу* стало рекламироваться не столько как искусство шпионажа, разведки, организации и совершения диверсий, сколько как учение о достижении гармонии с окружающим миром, космосом, реализации творческого потенциала человека. Соответственно и *ниндзя* превратились в носителей «тайного знания», в членов «тайных кланов», озабоченных реализацией высоких религиозно-философских идеалов и гонимых за свои убеждения. Жаль только, что у этого впечатляющего мифа нет никакой реальной исторической основы, о чем пойдет речь далее...

Новая концепция рекламы быстро позволила «построить в ряды» десятки тысяч последователей во всем мире. Еще бы! Гармония с окружающим миром, духовное здоровье, реализация творческих потенций вкупе с владением неотразимыми смертоносными приемами, перед которыми бессильны все прочие единоборства, – это ли не идеал?! В то время как в других боевых искусствах Востока постепенно наметился отток «любителей», организации *ниндзюцу*, напротив, стали стремительно набирать вес.

Любопытно, что рост интереса к *ниндзюцу* не слишком стимулировал активность научных изысканий. Почти все изданные к настоящему моменту вне Японии книги об этом искусстве носят исключительно популярный и рекламный характер и ни в коей мере не являются научными исследованиями. Именно поэтому мы не найдем в них ни ссылок на исторические источники, ни детального, основанного на фактах, анализа, ни цитат из «секретных» наставлений.

Зато повсеместно мы будем наталкиваться на высказывания, давно ставшие штампами и при этом не имеющие под собой никакой основы. Например, из книги в книгу кочует утверждение о полном отсутствии источников по *ниндзюцу*, связанном со спецификой секретной деятельности *ниндзя*. Но так ли это?

В действительности японские источники, описывающие события XIV–XVII вв., пестрят упоминаниями о действиях *ниндзя*. Подчас можно найти и детальные описания операций хитроумных лазутчиков. В этом плане значимы произведения жанра «военных повестей» (*гунки*, *гункимоно*): «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра») ¹, «Тайхэйки» («Повесть о великом мире») ², «Ходзё годай-

¹ Одно из самых значительных и ярких произведений в жанре *гунки*. Создано в начале XIII в. Повествует о борьбе в конце XII в. двух враждующих самурайских кланов – Тайра и Минамото, завершившейся гибелью Тайра.

² Крупнейшее произведение в жанре *гунки*, повествующее о борьбе императора Годайго с правителями из дома Ходзё за реставрацию прямого императорского правления, а также императорского дома – с сёгунами из династии Асикага. Со-

ки» («Хроника пяти поколений Ходзё») ³, «Канхассю косэн року» («Записи о давних войнах в восьми провинциях Канто») ⁴, «Сикоку гунки» («Воинская повесть острова Сикоку») ⁵ и др.

здано во второй половине XIV в.

³ Сочинение жанра *гункимоно*, созданное вассалом семьи Ходзё – Миура Дзёсин (1565–1644), повествующее об истории военного дома Ходзё. Опубликовано в 1641 г.

⁴ Сочинение жанра *гункимоно* Макидзима Акитакэ, повествующее о междоусобных войнах конца XV–XVI вв. в регионе Канто. Создано в 1726 г.

⁵ Сочинение жанра *гункимоно*, повествующее о междоусобных войнах XVI в. на острове Сикоку. Создано в 1710 г.

Ниндзя маскируется под каменный фонарь. Рисунок по мотивам японских гравюр

Большую ценность представляют дневники тех времен,

например «Тамон-ин никки» («Дневник обители Тамон») ⁶.

Довольно полную картину организации разведки в средневековых японских армиях можно составить по дошедшим до наших дней приказам по армии. Здесь следует выделить распоряжения Като Киёмасы, главнокомандующего японского экспедиционного корпуса в Корее в конце XVI в.

Сохранились до настоящего времени и десятки наставлений по *ниндзюцу*, включая такие монументальные произведения, как десяти томная «энциклопедия» «Бансэнсюкай» («Десять тысяч рек собираются в море») ⁷ и «Сёнинки» («Книга об истинном *ниндзюцу*») ⁸.

Ценные сведения по организации, управлению и технике разведки, шпионажа и диверсий содержатся также в учебниках по военному искусству XVI–XVII вв. С ними смыкаются классические китайские трактаты по военному искусству, оказавшие серьезное влияние на формирование теории и практики *ниндзюцу*.

Имеются в распоряжении исследователей и несколько десятков генеалогий знаменитых семей *ниндзя*, служебные отчеты шпионов, составленные ими планы и карты.

Значительно хуже обстоит дело с предметами материаль-

⁶ Дневник, охватывающий период с 1478 по 1618 г., который вели три поколения монахов храма Тото Тамон-ин в нарском монастыре Кофуку-дзи.

⁷ Сочинение Фудзибаяси Самудзи Ясутакэ, посвященное теории и практике *ниндзюцу* школ Ига-рю и Кога-рю. Создано в 1676 г.

⁸ Сочинение Натори Сандзюро Масатакэ, посвященное теории и практике *ниндзюцу* школы Кисю-рю. Создано в 1681 г.

ной культуры *ниндзя*. Известный знаток истории, вооружения и снаряжения средневековых японских разведчиков Нава Юмио в своей работе «Хиссё-но хэйхо ниндзюцу-но кэнкю» («Исследования по всепобеждающему военному искусству *ниндзюцу*») писал, что ему известны лишь три предмета, которые, предположительно (!), непосредственно применялись *ниндзя* эпохи Токугава (1603–1867).

Несмотря на это, в современной Японии имеется, по меньшей мере, четыре учреждения, претендующих на статус музеев *ниндзя*. Это «музеи» в городах Ига Уэно, Конан, Кокка и на горе Тогакуси в префектуре Нагано. Однако подавляющее большинство экспонатов не являются подлинниками, о чем свидетельствует отсутствие специальных каталогов, а также информационных стендов с указанием времени и места изготовления, обстоятельств приобретения музеем, размеров, материала изготовления и т. д. В частности, в экспозиции музея *ниндзя* в городе Конан, по информации его директора – господина Фукуи, подлинниками являются только аркебуза и комплект доспехов рядового японского пехотинца, причем ни то, ни другое не является специфическим именно для *ниндзя*. Всё остальное – имитации, изготовленные по описаниям в сохранившихся текстах XVII в., где, кстати говоря, содержится немало непроверенных теоретических разработок, заимствований из столь же теоретичных китайских трактатов и просто фантазий. Часть экспонатов изготовлена специально для «осведомленной» пуб-

лики. В частности, в экспозиции музея *ниндзя* в городе Кока выставлен «меч *ниндзя*» с прямым клинком. На мой вопрос о том, откуда попало это оружие в коллекцию, гид откровенно сказал, что это имитация, причем изготовленная с учетом стереотипных представлений большинства посетителей, несмотря на то, что большинство японских исследователей истории *ниндзюцу* полагают, что какого-то специфического «шпионского меча» синоби-гатана, характерным отличием коего был бы прямой клинок, никогда не существовало (хотя это вовсе не означает, что в Японии никогда не использовались мечи с прямыми клинками). «Мы представляем здесь то, что рассчитывает увидеть посетитель, а не то, что смогли отыскать исследователи», – нисколько не таясь, объясняет гид, хотя это сильно подмачивает авторитет «музея» как учреждения, занимающегося не только культурно-просветительской, но и – в первую очередь – научно-исследовательской деятельностью. Впрочем, такие вопросы волнуют только специалистов. Большинство же посетителей, приезжающих в Кока, Конан, Ига Уэно или Тогакуси с целью просто развлечься, на подобные детали не обращают никакого внимания.

Признаться, и я сам при первых посещениях музеев в Ига Уэно и Конан в 1997 г. принимал всё за чистую монету. И потребовалось много времени, чтобы накопить исследовательский опыт и достичь такого уровня, при котором уже ясно осознаешь всю необходимость ставить и всерьез обсуждать

проблемы подлинности артефактов, представленных в музеях.

Как представляется мне сегодня, музеи *ниндзя*, бесспорно являясь хорошим подспорьем в изучении истории, теории и практики *ниндзюцу* как своеобразные варианты исследовательского подхода, одновременно требуют крайней осторожности в обращении и могут предоставлять в том числе и ложную информацию. Во всяком случае, к их экспозициям невозможно апеллировать как к истине в последней инстанции.

Тем не менее возможности для изучения реального исторического *ниндзюцу* в настоящее время гораздо шире, чем утверждается в большом числе «трудов» по *ниндзюцу*. Это вынуждает исследователя не только доискиваться истины в источниках, но попутно еще и анализировать, и ломать штампы, сложившиеся благодаря «усилиям» «популяризаторов», заинтересованных не в серьезном исследовании вопроса, а лишь только в саморекламе. И начинать приходится уже с самого понятия *ниндзя*.

Кто такие ниндзя?

Слово *ниндзя* записывается двумя иероглифами: *нин* (в другом прочтении *синобу*) – 1) выносить, терпеть, сносить, 2) скрываться, прятаться, делать что-либо тайком; и *ся* (в озвончённой форме *дзя*; в другом прочтении *моно*) – человек. Существительное *синоби*, образованное от глагола *синобу*, означает: 1) тайное проникновение; 2) соглядатай, лазутчик, шпион; 3) кража.

Слово *ниндзя* появилось лишь в XX в. Ранее его эквивалентом было иное прочтение тех же иероглифов – *синоби-но моно*, буквально «скрывающийся человек», «проникающий тайно человек». Так в Японии, начиная с XIV в., называли лазутчиков.

Во многих работах по истории *ниндзюцу* можно встретить анализ взаимоотношения составных частей иероглифа *нин* с целью показать некое скрытое и при этом якобы изначально философское значение слова *ниндзя*. Так, этот иероглиф интерпретируют, например, как «сердце контролирует и направляет оружие» (нижняя часть иероглифа *нин* представляет собой иероглиф «сердце», а верхняя – «клинок»). Однако думается, что это не более чем позднейшие интерпретации и гимнастика ума. Подтверждается это тем, что задолго до того, как в Японии шпионов стали называть *синоби*, в японском языке уже существовали многочисленные производные

от глагола *синобу* слова со вполне «шпионскими» значениями: *синобиёру* – подкрадываться; *синобишу* – тайно проникать куда-либо; *синобиаруку* – ходить крадучись; *синобисугата-дэ* – передевшись, инкогнито, под чужим именем; *синобиаси-дэ* – на цыпочках, тихонько и т. д.

Синоби был далеко не единственный термин для обозначения представителей шпионской профессии. В источниках мы встречаем упоминания о *кандзя* («шпион», дословно – «человек [проникающий через] отверстие»), *тёдзя* («шпион»), *камари* («пригибающийся»), *укамибито* («вызнающий человек»), *суппа* («волны на воде», «проникающие [куда-либо] волны»), *сэппа* (то же), *раппа* («мятежные волны»), *топпа* («бьющие волны»), *монокики* («слушающие»), *то-омэ* («далеко видящие»), *мицумоно* («тройные люди», «раскраивающиеся люди»), *дацукко* («похитители слов»), *кёдан* («[подслушивающие] болтовню за угощением»), *яма-кугури* («подлезающие под гору»), *куса* («[прячущиеся в] траве») и т. д.

Общую характеристику *синоби-но моно*, их предназначения и использования мы находим в таком авторитетном источнике, как «Букэ мёмокусё» («Термины самурайских родов») ⁹: «Синоби-но моно выполняют различные шпионские задания. Их называют еще *кандзя* или *тёдзя*. Служба их за-

⁹ Энциклопедия обычаев самурайства, терминов, связанных со званиями, должностями и вооружением самураев, составленная по приказу сёгуната Токугава Институтом преподавания и изучения национальной науки в начале XIX в. Насчитывает 381 том.

ключается в том, чтобы тайно проникать в чужие провинции и изучать обстановку во вражеском стане или по временам, замешавшись среди врагов, вызнать их слабые места. Проникнув во вражеский лагерь, они устраивают поджоги и убивают вражеских воинов. Во многих случаях используются эти *синоби*. Называют их также *моно-кики* («подслушивающие»), *синоби-мэцукэ* («тайные агенты, цепляющиеся к глазам») и т. д. Всё это одна сторона их службы. Если с самого начала служебные обязанности *синоби-но моно* не оговорены, то нет таких заданий, которые бы им не поручали. Служат в качестве *синоби* простолюдины, *асигару* (воины низшего ранга), *досин* (полицейские низшего ранга), *раппа*, *сэнпа* и т. д.».

Сходную характеристику применительно к *синоби* из владений прославленного полководца Уэсуги Кэнсин (Кагэтора) мы находим в «Этиго гунки» («Воинская повесть провинции Этиго») ¹⁰ (глава «О том, как Кагэтора послал армию к границе провинции Эттю и о возвращении ее в лагерь без боя»): «В 5-й день 10-й луны того же года (1548) Уэсуги Кагэтора назначил *кикимоно-яку* – «подслушивающими» – семерых своих ближних слуг. Трех он послал в провинцию Каи, а остальные четверо поселились в провинциях Эттю, Ното и Кага. *Кикимоно-яку* – это такой вид служащих, кото-

¹⁰ Сочинение жанра *гункимоно*, написанное Усами Садаскэ, вассалом княжества Кисю, повествующее о деятельности Уэсуги Кэнсин, правителя провинции Этиго середины XVI в. Создано в конце XVII в.

рых называют еще *синоби-но моно*, *мэцукэ* или *ёкомэ* («смотрящие искоса»). Они ежедневно докладывают о делах управления правителей других провинций, о поступках их чиновников и даже об обычаях простонародья. От них получают драгоценные знания о хороших и дурных делах других провинций».

Картину могут дополнить сведения, которые мы находим в историческом сочинении середины XV в. «Ноти кагами» («Позднейшее зеркало»): «Что касается синоби-но моно, то говорят, что происходят они из провинций Ига и Кога и с легкостью тайно проникают во вражеские замки. Они соблюдают тайну и известны лишь под псевдонимами. В Западной стране (то есть в Китае) их называют *сайсаку*. А стратеги зовут их *кагимоно-хики* («вынюхивающие и подслушивающие»)».

Анализ этих цитат показывает, что *синоби-но моно* могли происходить из разных социальных слоев. Это могли быть самураи, порой из знатных родов, горные отшельники *ямабуси*, буддийские монахи-воины *сохэй*, разбойники «гор и полей», *дзи-дзамураи*, воры... Кого только среди них не было! Объединяли же их, во-первых, те специфические функции, которые они выполняли в японских средневековых армиях – все они были тайными агентами, шпионами, разведчиками, а во-вторых, владение необходимыми для выполнения этих функций навыками – методами сбора разведывательной информации, легендирования, организации дивер-

сий и тайных убийств и т. д. Характерно при этом, что «Ноти кагами» проводит параллель с китайскими шпионами.

Всё это в корне подрывает представление о *ниндзя* как особой «касте отверженных», каких-то «тайных кланах», растиражированное в популярных изданиях. Кстати сказать, само выражение «тайный клан» выглядит довольно нелепым. Ведь слово «клан» в русском языке имеет значение «род, родовая община». А посему возникает законный вопрос: могут ли род или семья быть «тайными»?

Представление о *ниндзя* как о неких «тайных кланах» своим происхождением обязано тому факту, что в Японии на определенном этапе ее исторического развития появились семьи, из поколения в поколение зарабатывавшие на жизнь сбором и торговлей разведывательной информацией, поставкой профессиональных шпионов и диверсантов противоборствующим феодалам. Речь идет о нескольких десятках семей мелких феодалов (госи) из провинции Ига и из уезда Кога провинции Оми. Шпионаж был для них таким же бизнесом, как для других, например, торговля горшками – разница была только в товаре. О том же, какие обстоятельства привели к тому, что эти семьи начали заниматься столь необычным «бизнесом», будет подробно говориться в тексте книги.

О школах ниндзюцу

В литературе по *ниндзюцу* имеет место дикая путаница в том, что означает словосочетание «школа *ниндзюцу*». Так, автор одной статьи на двух страницах одним и тем же выражением «школа *ниндзюцу*» умудрился обозначить четыре (!) совершенно разных явления, для каждого из которых в японском языке есть свой термин. Отчасти это связано с чрезвычайной широтой русского слова «школа», но главная проблема – непонимание сущности предмета обсуждения.

Итак, русским выражением «школа *ниндзюцу*» в публикациях зачастую обозначают:

1) техническую традицию, обладающую теоретическим обоснованием и стабильным регламентированным арсеналом технических средств; в Японии такие школы принято обозначать термином *рюги* (европейский аналог, например, – импрессионистская школа живописи), причем элементы «знания» *рюги*, как правило, фиксируются в специальных «каталогах» (*мокуроку*);

2) место, где проходят тренировки в воинском искусстве, японский термин – *додзё*;

3) тайную организацию, занимающуюся шпионажем и располагающую агентурной сетью, японский термин – *химицу сосики*, досл. «тайная организация»;

4) семью (клан), занимающуюся шпионажем и культиви-

рующую *рю ниндзюцу*; японский термин – *нинкэ*, досл. семья *ниндзя*.

Очевидно, что ни *рюги*, ни *додзё* в исторических событиях как таковые участвовать не могут, ибо первое есть чистое знание, а второе – строение. Неверно и называть «школой» тайную организацию или семью, практикующую *ниндзюцу*. Важно также отметить, что между *нинкэ* и *химицу сосики* ни в коем случае нельзя ставить знак равенства, так как несколько семей, практиковавших *ниндзюцу*, могли входить в одну и ту же секретную организацию, а секретные организации могли создаваться японскими феодальными владыками – *даймё* из своих собственных самураев без привлечения членов *нинкэ*.

Что такое ниндзюцу?

Японские историки указывают, что как особое искусство *ниндзюцу* сложилось не ранее конца XV в.

Что оно собой представляло в период своего расцвета – в эпоху междоусобных войн конца XV – начала XVII ст. – лучше всего показывает, пожалуй, знаменитая «энциклопедия» *ниндзюцу* «Бансэнсюкай» (середина XVII в.).

Фудзибаяси Ясутакэ, автор этой книги и – предположительно – глава организации *ниндзя* (*дзёнин*) из Ига, разделяет шпионское искусство на два основных раздела: Ёнин («Светлое *ниндзюцу*», или «искусство невидимости на свету») и Иннин («Темное *ниндзюцу*», или «искусство невидимости в темноте»).

Ёнин – это в первую очередь уровень стратегии и тактики. Японские историки иногда называют этот раздел *дзуйно ниндзюцу* – то есть «мозговое *ниндзюцу*», поскольку в него входят методы организации шпионских сетей, анализа полученной информации, разработки долгосрочных стратегических планов на основе учета разнообразных факторов – политических, экономических, военных, географических и т. д., прогнозирование ситуации. Это уровень политика высшего эшелона, командующего армией и руководителя организации разведки и шпионажа – *дзёнина*.

Иннин имеет дело с конкретными приемами добывания

секретной информации. В него входят способы проникновения на вражескую территорию с использованием легенды, различные уловки для обмана бдительности стражи, приемы подслушивания и подсматривания, ускользания от погони и многое другое.

Кроме того, в подготовку *ниндзя* входили и многочисленные вспомогательные «искусства»: *хэнсодзюцу* (методы переодевания), *мономанэ-но дзюцу* («искусство подражания» голосам и звукам), *суйэйдзюцу* (плавание), *хаягакэ-но дзюцу* (искусство спринтерского и марафонского бега) и т. д.

Для эффективного выполнения заданий *ниндзя* использовали различные специальные инструменты (*нинки, нингу*): приспособления для подъема на стены, разнообразные плавсредства, воровской инструмент.

Несколько особняком стоит применение зажигательных смесей, взрывчатки и огнестрельного оружия – искусство *кадзюцу*, которому в «Бансэнсюкай» посвящен отдельный том.

Характерно, что в «Бансэнсюкай» не описаны никакие приемы рукопашного боя – ни с оружием, ни без него. Дело в том, что *ниндзюцу* как искусство шпионажа имеет совершенно особую сферу применения и свои особые методы. Это отдельная дисциплина, не включающая в себя приемы поединка. Однако это вовсе не означает, что *ниндзя* вообще не изучали так называемые «боевые искусства» (которые надо отличать от «воинских искусств» и «военного искус-

ства») – фехтование мечом, копьем, стрельбу из лука, борьбу без оружия. Дело в том, что обучение во всех классических японских школах носило комплексный характер. Например, в программе Тэнсин сёдэн Катори синто-рю в одном ряду стоят *кэндзюцу* (фехтование мечом), *иайдзюцу* (методы молниеносного выхватывания меча для атаки или контратаки), *нагинатадзюцу* (техника боя алебардой), *бодзюцу* (фехтование шестом), *содзюцу* (приемы боя копьем), *сюрикэндзюцу* (метание лезвий), *кумиути* (борьба в доспехах) и *ниндзюцу* (собственно искусство шпионажа и разведки).

В общем, *ниндзюцу* можно охарактеризовать как целостную систему стратегического шпионажа и войсковой разведки, располагающую тщательно разработанной теорией, богатым арсеналом приемов, оригинальной методикой подготовки агентов, опирающейся на использование большого арсенала специальных технических средств, сложившуюся в Японии в конце XV – начале XVII в.

Вехи истории ниндзюцу

Разумеется, такая стройная и разработанная система не могла родиться в одночасье. Чтобы она смогла развиваться из разрозненных приемов добывания разведывательной информации, маскировки, организации диверсий, потребовались столетия.

В этой связи перед исследователем неизбежно встают весьма сложные вопросы: каковы истоки японского искусства шпионажа? Какие факторы позволили ему именно на японской земле в период Средневековья достичь столь высокого развития? С какого момента можно говорить о существовании *ниндзюцу* как особого искусства?

Что касается истоков *ниндзюцу*, думается, искать их нужно во временах доисторических, так как многие разделы этого искусства: следопытство, маскировка, методы выживания в условиях дикой природы – по своему происхождению связаны с охотой. Со временем эти охотничьи уловки становились все более изощренными, а с началом столкновений между объединениями первобытных людей дали начало военному искусству, в котором различные хитрости «ниндзевского» толка заняли весьма почтенное место.

Однако люди охотились и воевали во всем мире, но именно в Японии искусство шпионажа и военной разведки в период Средневековья достигло необычайно высокого разви-

тия. Чем это объяснить? Думается, свою роль здесь сыграла целая совокупность разнообразных факторов: географических, исторических, психологических.

Говоря о географических факторах, нужно в первую очередь отметить близость великой цивилизации Китая. Действительно, почти каждый скачок в культурном развитии Японии был связан с усилением китайского влияния. Сказалось это влияние и в искусстве шпионажа. Правда, проявилось оно не столько в сфере конкретных приемов, сколько в области теории *ниндзюцу*.

И еще. Сложный горный рельеф, обилие речушек способствовали развитию методов малой войны – неожиданных нападений, засад, диверсий, предопределили исключительную важность личного мастерства воина, возникновение малочисленных, но чрезвычайно боеспособных отрядов, способных эффективно действовать в самых сложных условиях.

К историческим факторам следует отнести, конечно же, существование в Японии особого военного сословия – самураев и чрезвычайную раздробленность страны в XV–XVI ст. Господство самурайского сословия способствовало росту престижа военного дела и стимулировало развитие военного искусства во всех его формах. Раздробленность вела к постоянным конфликтам, войнам, которые также подстегивали изучение военного дела. К тому же в Японии уже с первой половины XIII в. начала складываться особая социальная прослойка наемников, живших за счет войны. Именно

из нее со временем и выделились *нинкэ* – семьи, сделавшие своим бизнесом шпионаж.

Немалое значение имели и особенности национальной психологии японцев. Особо нужно отметить два момента. Во-первых, это бережное отношение к наследию предков. Для японцев всё, что связано с предками, священо. И подходят они к своему наследию как рачительные хозяева: всё значимое, важное, полезное запомнят, освоят, отшлифуют и применят, когда надо. Некоторые японские историки считают, что именно в процессе такого отбора и фиксации различных военных хитростей японцы и создали знаменитую систему *ниндзюцу*.

Однако другие исследователи полагают, что без заимствований со стороны – в первую очередь из Китая – *ниндзюцу* едва ли достигло бы своего по своим временам поистине фантастического уровня развития. При этом они указывают на другую замечательную черту психологии японского народа – способность к активному усвоению достижений других народов. Действительно, вся японская история являет собой замечательный пример того, насколько можно ускорить развитие национальной культуры, если с умом обратиться за опытом к соседям. Не для того, чтобы «передрать», а чтобы увидеть их достижения, осмыслить их, переделать на свой лад и применить на родной земле.

Вот так в самом общем виде представляются нам истоки *ниндзюцу*. Но в какой же момент времени оно развилось в

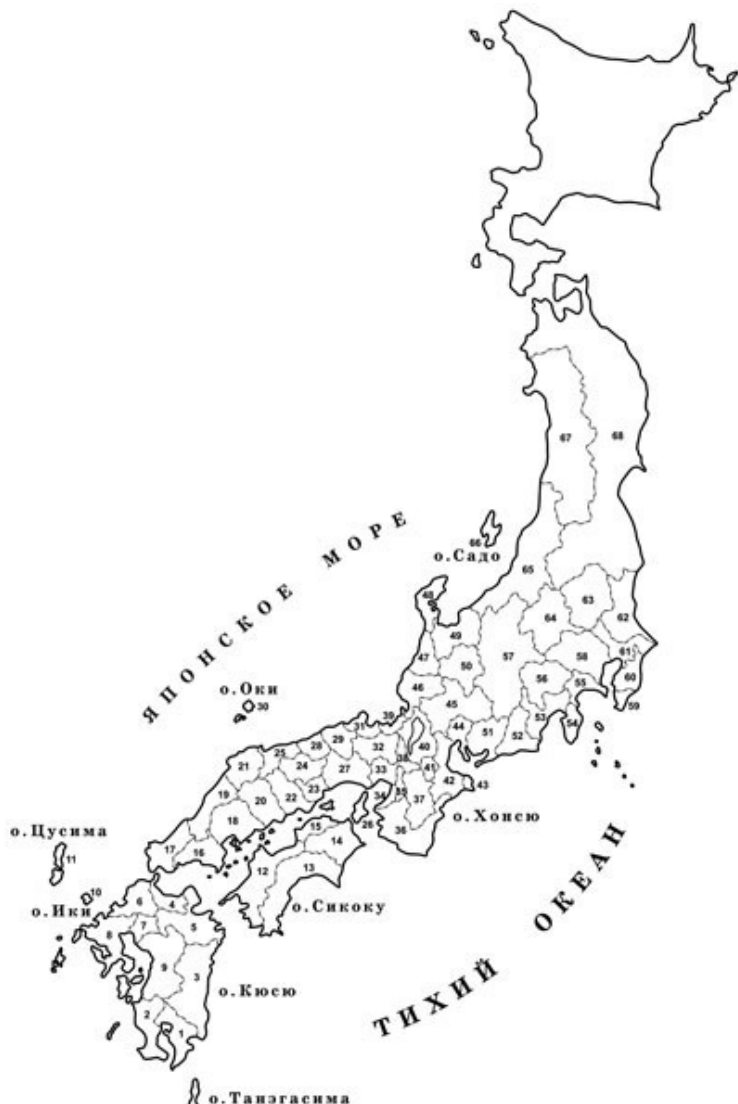
настоящее искусство?

Хотя некоторые легенды утверждают, что *ниндзюцу* существовало с незапамятных времен, реальные исторические источники позволяют говорить о существовании *ниндзюцу* как самостоятельного искусства не ранее второй половины XV столетия. Именно в этот период впервые ярко проявили себя знаменитые кланы *ниндзя* из Ига и Кога, создавшие крупнейшие школы *ниндзюцу* – Ига-рю и Кога-рю. При этом весь предыдущий период японской истории, по сути, можно рассматривать как время накопления знаний в области шпионажа и разведки, их осмысления и упорядочивания.

В целом всю историю *ниндзюцу*, как представляется нам, можно разделить на три важнейших периода: период формирования (VI – первая половина XV в.), период расцвета (вторая половина XV – начало XVII в.) и период упадка (середина XVII–XIX в.). В каждом из трех этих больших этапов можно выделить более мелкие, но важные периоды. Всего автор насчитал их одиннадцать.

I период продолжался со времен доисторических, до начала эпохи Нара (710–784). Это период первичного накопления знаний в области разведки и диверсионной войны и их первой письменной фиксации. В это время в Японию из Китая был привезен знаменитый трактат «Сунь-цзы», заложивший основу теории шпионажа, проникла буддийская магия, занявшая впоследствии важное место в системе психологической подготовки *ниндзя*.

II период по временным рамкам в основном совпадает с периодом Нара (710–784). По мнению некоторых японских исследователей, он характеризовался возникновением в среде горных отшельников-*ямабуси* искусства партизанской войны, включавшего в себя приемы маскировки и рукопашного боя.

Провинции Японии

III период охватывает время от начала периода Хэйан (794–1192) до войны Гэмпэй (1180–1185). Он ознаменовался складыванием военного сословия самураев, укреплением буддийских монастырей и появлением монахов-воинов, зарождением в среде разбойников прообраза агентурных сетей.

IV период охватывает войну Гэмпэй (1180–1185) и первые годы сёгуната Минамото (1192–1333). Как утверждает традиция, в это время *ниндзюцу* впервые было выделено в особую отрасль военной науки, появились первые профессиональные разведчики.

V период, совпадающий по времени с Камакурским сёгунатом (1192–1333), характеризовался влиянием на искусство шпионажа со стороны буддийской школы Дзэн, которая привлекла внимание многих самураев своими неординарными установками и оригинальными методами практики, имевшими своим следствием выработку хладнокровия, спокойствия и бесстрашия.

VI период охватывает реставрацию Кэмму (1333–1336), период Намбоку-тё (1336–1392) и далее вплоть до начала эпохи Сэнгоку (1467–1573). В это время впервые создаются агентурные сети, возникают первые школы воинского искусства.

VII этап, совпадающий с эпохой Сэнгоку (1467–

1573), ознаменовался широчайшим использованием шпионов враждующими феодалами, развитием в *ниндзюцу* методов применения огнестрельного оружия, складыванием крупнейших школ Ига-рю и Кога-рю.

Следующий, VIII период – это время правления первых объединителей Японии – Оды Нобунаги (1573–1582) и Тоётоми Хидэёси (1583–1598), проводивших политику «собираения» страны путем подавления всех непослушных элементов – буддийских монастырей, враждебных феодальных кланов, в том числе тех, которые практиковали *ниндзюцу*. В частности, эта политика вылилась в поход армии Оды на провинцию Ига и разгром большинства кланов *ниндзя*.

IX период – время борьбы за власть в стране Токугавы Иэясу (1598–1615). Иэясу хорошо понимал и высоко ценил возможности *ниндзя* и создал лучшую по тем временам службу шпионажа.

X период – мирное время правления *сёгунов* династии Токугава (1615–1867). В Японии создается колоссальный полицейский аппарат, использующий бывших *ниндзя* в качестве тайных агентов. С середины XVII в. *ниндзюцу*, не находя применения в войнах, приходит в упадок.

XI период начинается с революции Мэйдзи (1868) и завершается поражением Японии во Второй мировой войне (1945). В это время на основе *ниндзюцу* и европейских разработок в области шпионажа возникает и используется современная японская система шпионажа.

В настоящей работе широко представлены материалы исторических источников. Всего задействовано около 60 текстов. Однако обрывочность содержащихся в них сведений и недоступность источников во всей их полноте вынуждают автора в поэтапном изложении истории *ниндзюцу* в основном следовать канве, проложенной японскими исследователями, такими как Окусэ Хэйситиро и Нава Юмио. В этой связи необходимо сказать несколько слов о японской традиции историописания, которая отчасти следует китайскому шаблону.

В этой традиции, исходящей из признания древности золотым веком, история – это процесс передачи изначальной мудрости от мудрецов-родоначальников к их потомкам. Отсюда стремление удревнить всякое явление и тем самым подчеркнуть его истинность и значимость, имеющее следствием слияние мифа и реальности. В результате и в источниках, и даже в большинстве современных японских работ по истории *ниндзюцу* реальность зачастую неотделима от мифа. Это препятствует созданию подлинно научной истории *ниндзюцу*, но помогает понять сущность этого искусства как бы изнутри, ведь миф о *ниндзюцу* в то же время есть результат его отражения в сознании носителя мифа.

Поэтому в тексте настоящей работы с сообщениями сравнительно надежных исторических источников соседствует большое число легенд. Думается, это поможет читателю составить более полное представление о том, как воспринима-

ли свое искусство сами *ниндзя* и чем оно для них было.

Оружие и снаряжение ниндзя

Оружие (*буки*) и снаряжение (*нинки*) *ниндзя* являются важнейшими составляющими культуры «ночных воинов» Японии. Именно эти приспособления делали возможным совершение многих поступков, казавшихся непосвященным современникам сверхъестественными и чудесными. Так рождались предания и легенды, из которых в массовом сознании складывался фантастический образ лазутчика, способного становиться невидимым, ходить по воде, летать по небу, превращаться в диких животных, проходить сквозь стены...

Неудивительно, что описания оружия и снаряжения традиционно занимают главнейшее место в большинстве книг по *ниндзюцу*. Исследователи единодушно сходятся в том, что конструкторы *ниндзя* если не опередили время, то, во всяком случае, шли в ногу с техническим прогрессом. Действительно, в арсенале «воинов ночи» есть немало видов вооружения и снаряжения, которые могут поразить воображение. Это и ракетные установки, многоствольные ружья, разборные лодки и многое-многое другое. Огромный интерес у широкой публики вызывают «дома привидений» – так называемые «шпионские усадьбы» *ниндзя ясики*, на протяжении столетий служившие жилищами «воинов ночи».

Однако, несмотря на громадный интерес широкой ауди-

тории, в западном мире до самого недавнего времени не было серьезных работ по вооружению и снаряжению *ниндзя*, в которых они были описаны с опорой на сохранившиеся источники. Зачастую конкретные исторические данные заменялись вымыслами, рассчитанными на полную неосведомленность читателя.

В порыве восторга и преклонения перед *ниндзя* многие авторы неосознанно приписывают японским средневековым «невидимкам» использование таких средств, которыми они просто не могли пользоваться. Например, американцы Ал Вейсс и Том Филбин рассказывают в своей книге о «ночных воинах», что те использовали в качестве отравляющего средства листья обычных помидоров, напрочь забывая, что родиной томатов была Америка, и, соответственно, средневековые *ниндзя* вообще не были знакомы с этим растением.

На фоне всеобщего незнания порой рождались совершенно фантастические «учебники *ниндзюцу*», написанные не на основе старинных наставлений или полученных от живого носителя традиции знаний, а на основе послевоенных и современных знаний по войсковой разведке и саперному делу.

Что касается меня, то я при написании этой книги пользовался тремя группами источников информации.

Во-первых, это наставления, написанные самими *ниндзя*. В первую очередь это «Нинпидэн» («Секретное наставление по *ниндзюцу*», 1560 г.), «Бансэнсюкай» («Десять тысяч рек собираются в море», 1676 г.) и «Сёнинки» («Писание об ис-

тинном *ниндзюцу*», 1681 г.). Помимо них, я использовал и ряд других текстов (см. библиографию в конце книги).

Вторую группу источников составляют работы довоенных и послевоенных японских историков. Среди них нужно отметить прекрасную работу Нава Юмио «Хиссё-но хэйхо. Ниндзюцу-но кэнкю» («Всепобеждающее военное искусство. Исследования ниндзюцу». Токио, 1972 г.) и книгу Окусэ Хэйситиро «Нинпо. Соно хидэн то дзицурэй» («Нинпо. Его секреты и практические примеры». Токио, 1995 г.). Я также широко использовал материалы авторитетной работы Сасама Ёсихисы «Нихон будо дзитэн» («Энциклопедия по японским будо». Токио, 1982 г.).

Третьим источником информации послужили мои собственные наблюдения, сделанные во время посещения «музеев *ниндзюцу*» в городах Ига Уэно и Конан, монастыря Нэгоро-дэра, Нидзё-дзё – замка сёгунов Токугава в городе Киото и ряда других музеев и исторических мест, так или иначе связанных с историей *ниндзюцу*. Многие рисунки в данной книге основываются на фотографиях, сделанных в этих поездках.

Касаясь экспонатов «музеев», с которыми я впервые имел возможность познакомиться осенью 1997 г., сегодня я вынужден сделать принципиальную оговорку. Как я уже писал выше, подавляющее большинство экспонатов в этих «музеях» не являются подлинниками. Впервые в западной литературе в «Когтях невидимок» были даны детальные опи-

сания десятков видов мин, бомб, зажигательных стрел, ракет, воровского инструмента *ниндзя*, приведены рецепты калорийных и жаждоутоляющих пилюль, ядов, лекарственных средств, описаны дома *ниндзя*.

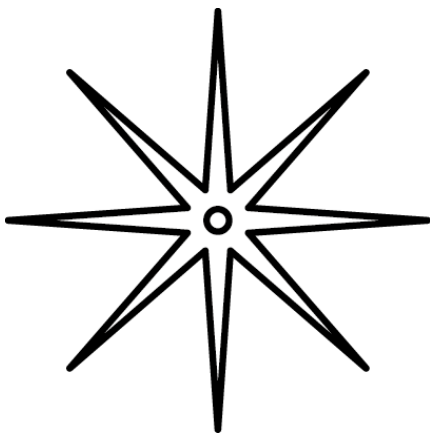
Надеюсь, что эта книга станет хорошим подспорьем для подлинных поклонников *ниндзюцу* и всех тех, кто интересуется военной историей и боевыми искусствами Японии и Востока.

В заключение я хотел бы высказать свою огромную признательность и благодарность всем, кто помог делом и советом в работе над этой книгой: наставнику школы Катори синто-рю Сергею Семенчуку, зарубежным коллегам: профессору Стивену Тёрнбуллу, Дону Роли, Джеффри Мюллеру, а также сотрудникам музея «*Ниндзюцу ясики*» города Ига Уэно за предоставленную возможность сделать фотографии различных устройств, приспособлений и оружия *ниндзя*.

Отдельное слово сердечной благодарности – моим художникам Алексею Астафьеву и Андрею Иванову, которые помогли подготовить иллюстрации к этой книге, потратив на это многие часы своего личного времени и огромные усилия.

Часть 1. История ниндзюцу

Глава 1. У истоков ниндзюцу

К началу эпохи Нара (710–784) японский народ уже успел накопить солидный опыт в области военной разведки и шпионажа. Этот опыт был зафиксирован в древнейших письменных памятниках Страны восходящего солнца: «Кодзики» («Летопись древних дел», 712 г.) и «Нихонги» («Нихон сёки», «Анналы Японии», 720 г.).

Уже первое тысячелетие нашей эры было для Японии временем активных контактов с материком. Острова не раз становились прибежищем для китайских и корейских переселенцев, которые переправлялись на них целыми общинами. Как правило, семьи переселенцев выделялись высокой культурой, богатыми познаниями в различных отраслях. Дело в том, что основными причинами миграций были причины политические. Нашествия кочевников, государственные перевороты, восстания – всё это приводило в движение не столько крестьянскую массу, сколько правящие слои. Именно аристократы, образованные, утонченные, и бежали в Страну восходящего солнца.

Переселенцы привозили с собой свои представления о мире, верования, философские и этические представления, научные знания, производственные и технические навыки, письменность, литературу, искусство и, разумеется, военное дело. Так, с ними на острова проникли приемы и методы боя, даосские психомедитативные упражнения и буддийская магия, заложившие основу психологической подготовки *самураев* и *ниндзя*, замечательные трактаты по военному искусству и среди них – «Сунь-цзы», в котором впервые в мире была разработана теория военного и политического шпионажа.

Осознавая превосходство иммигрантов, японцы активно перенимали их достижения, а чуть позже стали сами ездить в Китай на учебу.

Большое влияние на становление японского искусства шпионажа оказали и традиции военного искусства Кореи. Дело в том, что в III–VII вв. н. э. японцы проводили активную политику в отношении Корейского полуострова и даже имели там свои владения. В общении и столкновениях с корейскими государствами Силла, Пэкчэ и Когурё они знакомились с их военным искусством, которое в некоторых отношениях опережало в своем развитии военное искусство Японии. Этому способствовало то, что Корея раньше, чем Япония, оказалась втянута в сферу влияния китайской цивилизации. Поэтому многие достижения китайской культуры и, в частности, военной науки к тому времени, когда японцы лишь начинали с ними знакомиться, были корейцами уже освоены. И именно жители Страны утренней свежести впервые продемонстрировали японцам применение принципов китайской стратегии на практике, дали им первые уроки организованного шпионажа.

Таким образом, в первый период истории *ниндзюцу* сложилась основа, на которой в дальнейшем стало развиваться собственно японское искусство шпионажа.

Лазутчики из небожителей

Во Введении уже говорилось о подсознательном стремлении японцев выводить истоки всякого явления от времен незапамятных. Поэтому нет ничего странного, что уже в ста-

рину предпринимались попытки отыскать корни *ниндзюцу* в мифологии. К тому же, если внимательно познакомиться с мифами «Кодзики» и «Нихонги», при наличии фантазии некоторые деяния богов можно интерпретировать и как прообраз разведывательно-шпионских операций. Например, в «Кодзики» и «Нихонги» рассказывается о том, как Таками мусуби-но ками, один из центральных богов японского пантеона, посылал нескольких богов рангом пониже во враждебную землю Идзумо, чтобы разведать положение дел и усмирить тамошних обитателей.

В качестве таких «разведчиков» в «Кодзики» и «Нихонги» упомянуто несколько богов, в том числе и покровители воинов и воинских искусств Такэмикадзути-но микото и Фуцунуси-но микото. Интересно, что с важнейшими центрами почитания этих богов, храмами Касима-дзингу и Катори-дзингу, связаны две крупнейшие школы японского боевого искусства: Касима синто-рю и Катори синто-рю, каждая из которых включает в свою программу свой вариант системы шпионажа и разведки – *синоби-но дзюцу*.

Воинские божества Фуцунуси-но микото (слева) и Такэмикадзути-но микото (справа). Со старинной гравюры

Миф о Таками мусуби-но kami как о прародителе *ниндзюцу*, по свидетельству Фудзиты Сэйко, претендовавшего именоваться 14-м патриархом школы Кога-рю Вада-ха, был популярен среди «невидимок» из Ига.

Ниндзя из Кога, по сведениям того же источника, тоже искали истоки своего искусства в мифологии, но признавали родоначальником *ниндзюцу* другого важного бога японского пантеона – Сусаноо-но микото.

Согласно «Кодзики», во время своих странствий Сусаноо-но микото повстречал старика со старухой и молодую девушку по имени Кусинада-химэ, которые сидели и плакали. Сусаноо поинтересовался, в чем причина их горя, и старик сказал ему: «Моих дочерей... Ямато-но ороги – Змей-страшилище Восьмихвостый-Восьмиголовый из Коси, каждый год являясь, проглатывает. Ныне время, когда он должен явиться...»

Тогда Сусаноо-но микото вызвался помочь несчастному семейству, но в награду потребовал Кусинаду-химэ в жены. Получив согласие родителей, он превратил девушку в гребень и спрятал его в своей косичке, а старику со старухой приказал: «Вы восьмижды очищенное *сакэ* сварите, а еще кругом ограду возведите, в той ограде восемь ворот откройте, у каждого ворот помост сплетите, на каждый тот помост бочонок для *сакэ* поместите, в каждый бочонок того восьмижды очищенного *сакэ* полным-полно налейте и ждите!»

Когда все было в точности исполнено, как и предполагалось, показался страшный змей Ямата-но ороги. Завидев такое изобилие прекрасной браги, он тут же в каждый бочонок по голове своей свесил и осушил все рисовое вино до последней капельки. После чего, естественно, опьянел, растянулся на земле и впал в сон. Тогда Сусаноо-но микото обнажил свой меч и порубил змея на кусочки.

На первый взгляд ничего особенно «ниндзевского» в этом эпизоде нет. Но, если вдуматься, здесь сокрыты две важ-

нейшие идеи, которые легли в основу *ниндзюцу*. Во-первых, идея одоления большей силы при помощи хитрости. Во-вторых – идея слияния с естественным окружением и использования в маскировке самых обычных неприметных вещей, чтобы стать полностью невидимым для врага.

Мити-но Оми-но микото – родоначальник японской криптографии

С переходом от эры богов к эре героев в японской мифологии встречается еще больше претендентов на звание создателя *ниндзюцу*. Так, некоторые предания *ниндзя* из Ига и Кога называют основателем *ниндзюцу* Хи-но Оми-но микото.

В «Нихонги» рассказывается, что во время Восточного похода легендарного основателя японского государства императора Дзимму («Божественный воин»; по традиционной версии правил в 660–585 гг. до н. э.) Хи-но Оми-но микото вел его армию по незнакомой местности, следуя за священным вороном, посланным богиней солнца Аматоэрасу оомиками. За это Дзимму дал ему имя Мити-но Оми-но микото – «Министр путей». По-видимому, в обязанности этого Мити-но Оми-но микото входили разведка местности, проводка армии и решение различных нестандартных ситуаций, что явствует из следующего эпизода.

Когда Мити-но Оми-но микото привел императора Дзим-

му в деревню Укэти в местности Уда, тамошний властитель Ё-Укаси решил убить вождя пришельцев. Но когда выяснилось, что армия Дзимму очень велика и в открытом бою с ней не совладать, он решил пойти на хитрость. Ё-Укаси укрыл свои войска в засаде и специально выстроил новый дворец с капканом внутри, чтобы заманить в него Дзимму. Однако младший брат Ё-Укаси – Ото-Укаси обо всем сообщил Дзимму, и тот выслал вперед Мити-но Оми-но микото, чтобы разведать обстановку. «Министр путей» сразу раскусил коварный план Ё-Укаси, и, как сообщает «Кодзики», он, вместе с другим соратником Дзимму – Окумэ-но микото, «вдвоем призвали к себе... Ё-Укаси и, бранью его осыпав, сказали так: «Во дворец, который возвел, ты первым и войдешь, и покажешь, как ты собираешься государю послужить», – ухватились за рукоятки мечей, копья выставили, стрелы на луки наложили и загнали его туда. И тут же убило его тем капканом...»

Однако подлинное «ниндзевское» хитроумие Мити-но Оми-но микото проявилось несколько позже, когда Дзимму уничтожал последних врагов на равнине Ямато. Император приказал Мити-но Оми-но микото выкопать большую землянку в деревне Осака, устроить там пышный пир и пригласить на него 80 врагов, чтобы истребить их разом. Мити-но Оми-но микото в точности исполнил повеление императора. Отобрав лучших воинов, вооруженных мечами, он приказал им смешаться с врагами и по сигналу его песни броситься на

врагов и убить их. Когда враги – хвостатые люди *цутигумо* («земляные пауки») – запьянели, Мити-но Оми-но микото запел:

В обширной подземной обители
В Осака
Много людей
Помещается.
Пусть много людей
Помещается, —
У храбрых парней Кумэ
Мечи с рукояткой, как молот,
Мечи каменные.
Сейчас нападут – ох, славно будет!

Услышав песню, воины Дзимму разом обнажили мечи и закололи всех *цутигумо* до единого. Считается, что это был первый случай шифрования информации, в данном случае – в виде песенки, в военной истории Японии. Этот факт отмечен во многих позднейших японских наставлениях по военному делу. И именно отсюда, из этого эпизода, *ниндзя* через много веков выводили истоки своего искусства «иньской речи» – профессионального жаргона, непонятного для других людей (арго).

От Мити-но Оми-но микото берет свое начало знаменитый военный род Отомо, давший немало видных военачальников и блестящих поэтов. Отомо были лучшими мастерами

воинского искусства и служили в императорской охране. Из поколения в поколение они передавали секреты военного дела и, возможно, наставления по шпионажу и разведке. Интересно, что Отомо-но Якамоти первым удостоился звания *сёгун*, а Отомо-но Сайдзин, о котором речь пойдет далее, стал первым профессиональным шпионом в истории Японии, о котором упоминают источники.

Похитители священной глины

В описании Восточного похода Дзимму в «Нихонги» содержится и еще один весьма любопытный эпизод, который часто вспоминают исследователи истории *ниндзюцу*. Во время боев за местность Исо в области Ямато будущему императору никак не удавалось одолеть врага, но однажды во сне его посетило видение, из которого он узнал, что для победы нужно добыть глины со священной горы Ама-но Кагуяма и вылепить из нее священные кувшины. Задача была не из легких, так как Ама-но Кагуяма находилась в самом центре расположения вражеских войск. И тогда Дзимму решил прибегнуть к хитрости:

«Нарядил он Сипи-нэту-пико (Синэцухико) в рваную одежду, накинул соломенный плащ и шляпу, и тот стал похож на старца, а Ото-укаси на голову надел сито, чтобы стал он похож на старуху, и рек: «Отправляйтесь вдвоем на гору Ама-но Кагуяма, потихоньку наберите там глины и возвра-

щайтесь...»

В тот момент вражеские воины теснились на дороге, и невозможно было пройти вперед. И вот Сипи-нэту-пико принес клятву-обет укэпи, сказав: «Если суждено моему государю этой страной овладеть, то пусть дорога сама по себе станет проходимой. Если же не суждено, то пусть враги нам путь преградят» – так сказал.

Как выговорил он эти слова, так они и двинулись в расположение врага. Тут увидели их два воина из вражеского стана, громко засмеялись и сказали: «Какие мерзкие старик и старуха!» И расступились, чтобы дать тем пройти. Так оба добрались до горы, набрали глины и благополучно вернулись».

Это описание считается первым в истории Японии описанием искусства переодевания для обмана врага (*хэнсодзюцу*), которое со временем стало одним из важнейших разделов *ниндзюцу*.

Ямато Такэру – царевич-диверсант

Судя по всему, «ниндзевские» акции были в большом почете у жителей Японских островов. Даже члены императорской фамилии не гнушались прибегать к ним в случае необходимости. Самым ярким примером этого являются подвиги принца Ямато Такэру.

Ямато Такэру действует как заправский разведчик. Он и

шагу не делает без предварительной разведки, активно использует военные и шпионские хитрости, умеет выживать в экстремальных ситуациях.

Принц Ямато был сыном императора Кэйко. Свои подвиги он начал с убийства старшего брата, впавшего в немилость у Кэйко. Сделал это он довольно оригинальным способом: по сообщению «Кодзики», когда рано утром брат зашел в отхожее место, Ямато Такэру неожиданно напал на него, «схватил, убил его, руки-ноги повыдергал, завернул тело в циновку и выкинул». Судя по всему, туалет у японцев был излюбленным местом для отправления на тот свет недругов при помощи неожиданного нападения. Во всяком случае, по легенде, знаменитый князь-военачальник XVI в. Уэсуги Кэнсин тоже лишился жизни – от рук вражеского *ниндзя* – в этой же части своих апартаментов.

В то время Ямато Такэру было лет 15–16. Подивившись его силе и буйству, Кэйко решил найти им лучшее применение и отправил сына на остров Кюсю для умирения двух непокорных братьев-богатырей из племени Кумасо, отказавшихся приносить дань.

Добравшись до земли Кумасо, Ямато Такэру занялся разведкой местности и ситуации. Выяснилось, что недруги заняты постройкой землянки и подготовкой к богатому пиру. Этим и решил воспользоваться царевич.

Древнеяпонский воин

Когда настал день пира, принц переоделся в платье девушки, предусмотрительно заготовленное его теткой Ямато-химэ, и вместе с женщинами проник в землянку. Видимо, выглядел он в женском одеянии достаточно соблазнительно, так что братья Кумасо усадили его между собой и принялись веселиться. В самый разгар пиршества Ямато Такэру выхватил короткий меч и, держа старшего Кумасо за шиворот, пронзил ему грудь. Младший брат-богатырь попытался убежать, но Ямато Такэру изрубил его, «словно спелую дыню».

Не дожидаясь дальнейших повелений отца, царевич добрался до земли Идзумо с намерением убить тамошнего богатыря Идзумо Такэру. Поклявшись в дружественности своих намерений, Ямато легко вошел в доверие к простоватому силачу и преспокойно стал подготавливать его убийство. Он изготовил деревянный меч и, выдавая за настоящий, подвесил его у пояса. Вместе купались богатыри в реке Хи. Когда царевич вышел из воды, он предложил Идзумо Такэру побрататься. В знак дружбы и верности богатыри обменялись мечами. В руки богатыря Идзумо перешла деревянная подделка, а Ямато Такэру заполучил боевой клинок. Через некоторое время хитроумный царевич предложил простоватому богатырю Идзумо помериться силами в поединке на мечах. Тот согласился, но деревянный клинок попросту застрял в

ножнах. Легко догадаться, чем все закончилось.

Отдых Ямато Такэру от бранных дел длился недолго – Кэйко сразу же отправил сына усмирять непокорные племена востока. Этот поход оказался труднее прежних. На этот раз обманутым оказался сам герой. Правитель земли Самагу заманил его в поле и поджег траву. Пламя приближалось к богатырю. Но он благополучно вышел из опасной ситуации благодаря своей находчивости. Правда, в описании конкретного способа, к которому он прибегнул, источники расходятся. По одной версии, он прорубил путь в траве волшебным мечом, который за это получил имя «Кусанаги» – «Режущий траву». По другой – при помощи кресала пустил встречный огонь и таким образом сбил пламя. Зато в концовке все источники едины: в наказание за вероломство Ямато Такэру истребил весь род местного правителя и отправился дальше.

Впрочем, странствовать ему пришлось недолго. Сраженный ядом злобного змея, богатырь вскоре умер.

Китайские истоки японского ниндзюцу

Уже говорилось, что военное искусство Японии на начальном этапе своего развития испытало сильное влияние со стороны китайской традиции. Что же касается искусства шпионажа, то к тому времени, о котором идет речь, китайцы уже накопили огромный опыт в этой области.

Истоки шпионажа в Китае, согласно легенде, восходят к

легендарным прародителям китайского народа Фу И и Желтому императору Хуан-ди (по традиционной версии правил в 2696–2597 гг. до н. э.). В классическом произведении по военному искусству «Ли Вэй-гун вэньдуй» («Диалоги Ли Вэй-гуна») говорится: «По законам войны, идущим еще от Хуан-ди, на первом месте стоит правильный бой, на втором – маневр, на первом месте – гуманность и справедливость, на втором – хитрость и обман».

Традиция утверждает, что шпионаж в Китае достиг значительного развития уже во времена правления императора династии Ся (XX – XIX вв. до н. э.) Сюань Юань-ди. И, как указывает стратег Сунь-цзы в своем трактате, даже воцарение династий Инь и следующей за ней Чжоу не обошлось без участия шпионов.

Образование древнего царства Инь, сменившего царство Ся, по традиционной хронологии относится к 1766 г. до н. э. Согласно преданию, Ся пало потому, что жестокость его последнего правителя Цзе-вана подняла против него все население: и народ, и князей. В княжестве Шан в то время правил мудрый и добрый Чэн Тан. Он быстро стал главой восставших и, разбив Цзе-вана, вступил на престол.

Большую роль в свержении Ся сыграл И Чжи, который находился на службе у Цзе-вана и был добродетельным, в конфуцианском смысле, человеком. Эти свойства настолько прославили его, что Чэн Тан, еще будучи шанским князем, вызвал его к себе и сделал своим наставником и руко-

водителем. Когда Тан-ван поднял восстание, И Чжи находился в столице Цзе-вана и во всех подробностях знал положение противника. Вероятно, именно поэтому Тан-ван смог добиться успеха.

Аналогичная история повторилась и при падении династии Инь, основанной Чэн Таном, и водворении на ее место династии Чжоу (1144 г. до н. э.). Последний государь из династии Инь – Чжоу-ван – также был свирепым тираном, в котором ничего не осталось от добродетельного предка. И опять вся страна поднялась против угнетателя. И опять среди местных властителей оказался добродетельный и храбрый князь – У-ван, глава чжоуского княжества, который сверг Чжоу-вана и стал основателем новой династии.

В это время слугой иньских властителей был Люй Я (Люй Шан), которого конфуцианская традиция представляет благородным мужем. Впоследствии под именем Тай-гун вана он прославился как теоретик военного искусства. Его не сумел оценить его законный государь, но полностью оценил У-ван. Еще отец У-вана – Вэнь-ван, повстречав однажды на охоте Люй Я, сразу признал в нем мудреца. Когда чжоуский У-ван восстал, Тай-гун ван находился у иньского Чжоу-вана и хорошо знал положение противника. Поэтому У-ван с легкостью добился победы.

Таким образом, уже в древнейший период китайцы имели прекрасную возможность оценить возможности шпионов, которые подчас оказывались причастны к низвержению

целых государств. Поэтому военачальники Срединного царства исстари весьма активно использовали тайных агентов, чтобы подточить изнутри силы врага.

В 236–229 гг. до н. э. шла война между княжествами Цинь и Чжао. Во главе циньской армии стоял известный полководец Ван Цзянь. Войсками княжества Чжао командовал Ли Му, прославившийся искусной защитой северных границ княжества от нападений гуннов и соединявший в себе ум и храбрость. Из-за него циньские войска терпели поражение за поражением: был наголову разбит один из крупных военачальников – Хуан Яо, и сам главнокомандующий Ван Цзянь оказался в опасном положении. Тогда Ван Цзянь понял, что в открытом бою ему не справиться с таким противником, и решил действовать иными средствами.

При дворе его противника, чжаоского князя, находился некий Го Кай. Он был любимцем князя. Ван Цзянь знал, что Го Кай завидует успехам Ли Му, боится его влияния на правителя и ищет случая его устранить. Поэтому Ван вошел с ним в тайные сношения, поднес ему большую сумму денег и якобы дружески предупредил его, что Ли Му ждет только конца кампании, чтобы расправиться с ним. Так как это совпало с предположениями самого Го, тот, не задумываясь, отправился к князю и наговорил ему, будто Ли Му замышляет его убить, перейти на сторону Цинь и получить из рук циньского князя княжество Чжао. Чжаоский князь поверил фавориту, отозвал Ли Му из армии и казнил его. Вместо Ли

Му во главе армии были поставлены два других, совершенно неспособных военачальника. Последствия устранения искусного полководца быстро сказались: всего через три месяца армия Чжао была наголову разбита циньскими войсками.

Китайцы прекрасно освоили тончайшую игру интриг, научились просчитывать замыслы и ходы противника и использовать их себе на пользу. Вот пример весьма хитроумной операции.

Дело было во время войны между княжествами Цзинь и Шу (первая половина IV в. до н. э.). Войсками Шу командовал Ли Сюн. Во главе цзиньских войск стоял Ло Шан. Борьба велась без каких-либо результатов для обеих сторон. Тогда Ли Сюн решил прибегнуть к хитрости. Он знал, что Ло Шан непременно воспользуется любой возможностью, чтобы приобрести себе в лагере противника шпиона, и решил эту возможность ему предоставить. По его плану в качестве «обратного шпиона» должен был выступить преданный вассал Пу Тай. Однажды Ли Сюн при всех придворных обвинил Пу Тая в разных провинностях и приказал страже жестоко избить его. Затем окровавленного сановника за ноги выволокли из дворца и швырнули в ров. Спустя некоторое время Пу Тай, удалившийся в глухую деревушку, тайно вступил в контакт с Ло Шаном, а затем и вовсе перебежал к нему вместе с самыми преданными друзьями, семьей и челядью.

Ло Шан поверил, что Пу Тай горит жадой мести, ввел его в свое окружение и даже назначил помощником коман-

дующего армией. Под предлогом мести Ли Сюну Пу Тай разработал план разгрома армии Шу. По этому плану сторонники Пу Тая должны были убить своего начальника и огнем подать сигнал о нападении войскам Ло Шана. Ло Шан согласился. Когда в лагере Ли Сюна показался огонь, 100 отборных воинов Ло Шана, стоявших наготове, тотчас же ринулись в атаку. Предполагалось, что в суматохе им без труда удастся проникнуть внутрь укрепления противника. Однако все они были убиты, а войска Ло Шана, двинувшиеся на штурм вражеского лагеря, попали в засаду и были разбиты. Сам Пу Тай в решающий момент битвы вместе со своими соратниками убил Ло Шана, его сына-наследника и главнокомандующего, обезглавив цзиньское войско. После этого он приказал воинам не оказывать сопротивления Ли Сюну, и княжество Цзинь пало без боя.

В китайской практике в качестве шпионов чаще всего выступали послы. Попав в стан врага, они старались повлиять на обстановку, подкупая чиновников и военачальников, натравливая их друг на друга. Нередко послы играли роль «шпионов смерти». Их направляли к противнику, чтобы отвлечь его внимание притворными переговорами о заключении мира. И когда противник, поверив заверениям, ослаблял бдительность, противная сторона предпринимала решительную военную операцию. Правда, в этом случае посла, находившегося для прикрытия в стане противника, ждала неминуемая смерть.

В китайских летописях описан случай, произошедший во время борьбы ханьского императора Гао-цзу (206–195 гг. до н. э.) с княжеством Ци. Гао-цзу понимал, что ему будет нелегко одолеть противника обычным путем. Поэтому он решил притворно вступить с ним в мирные переговоры и с этой целью направил в Ци послом искусного дипломата Ли Ши-цы. Тот так ловко повел дело, что циский князь не только согласился на мир, но и отвел свои войска с границ. Этого только и ждал Гао-цзу. Как только границы лишились защиты, его полководец Хань Синь вторгся в пределы Ци. Посол был казнен, но это не спасло циское княжество от разгрома.

От послов-шпионов не требовалось умения переодеваться, подкрадываться и физически устранять врага. Для них важнее было понимание психологии, взаимоотношений между людьми, умение точно оценить баланс сил во вражеском стане, военно-политическое положение государства. В основном это зависело от личных качеств посла, его таланта, а не от специальной подготовки. Возможно, поэтому в Китае в древности и не сложилась цельная система подготовки шпионов, из-за чего китайские агенты нередко «садились в лужу». Так, в III в. до н. э., во время борьбы, которую вели циньские войска против Чжао Шэ, они подослали в его лагерь шпиона, но тот ничего не мог разведать. Ничего не могли разузнать и шпионы царства Чу, посланные в лагерь Гао-цзу. Известно немало других случаев некомпетентности китайских шпионов.

Однако именно китайцы, а точнее – китаец по имени Сунь У, более известный как Сунь-цзы, впервые в мировой истории сумели разработать теорию шпионажа. И не только... Сунь-цзы создал единую концепцию военного искусства, глобальную по охвату и удивительную по глубине постижения закономерностей любого столкновения – будь то война, отдельное сражение или даже рукопашный поединок. Она оказала определяющее влияние на всю дальневосточную традицию военного искусства. Поэтому на военной доктрине Сунь У, изложенной в трактате «Сунь-цзы», следует остановиться особо.

Военная доктрина Сунь-цзы

С точки зрения Сунь-цзы, война есть борьба, в ближайшем смысле – противоборство двух армий. Однако борьба на войне, считает Сунь-цзы, не является чем-то резко отличным по своей природе от борьбы вообще: это такая же борьба, как и всякая другая. Поэтому китайский стратег ставит ее в один ряд с борьбой дипломатической, политической и всякой иной. Отличие только в одном: из всех видов борьбы «нет ничего труднее, чем борьба на войне».

Китайские военачальники. Со старинной гравюры

Борьба ведется ради выгоды. «Получение выгоды и есть победа» – так воспринимает учение Сунь-цзы комментатор Ван Чжэ. Важно понять, что победа нужна не сама по себе, победа есть только средство для получения выгоды. Понятие выгоды приложимо к каждому частному проявлению борьбы: борьба за позицию есть борьба за овладение теми стратегическими выгодами, которые эта позиция представляет для занявшего ее, и т. д.

Понятию выгоды у Сунь У подчинены все стратегические расчеты. Выгода направляет всю тактику. Но выгода – не только цель, но и средство. Противник также сражается ради выгоды. А если так, то, управляя этой целью, можно управлять и его действиями. Это значит, что цель для противника нужно уметь превратить в средство для себя. Именно на этом Сунь У строит свое учение о завлечении противника, о принуждении его к тем или иным желательным действиям. Заставить врага предпринять нужное действие можно, предоставив ему какую-либо временную, незначительную, а то и прямо призрачную выгоду. «Уметь заставить противника самого прийти – это значит заманить его выгодой».

Борьба на войне, как и всякая борьба, может привести к успеху или к неудаче. Успех для Сунь У состоит в получении выгоды. Неудача же есть опасность. Война – самый трудный вид борьбы, а значит, и наименее выгодный, и наиболее

опасный. Почему наименее выгодный? Сунь-цзы наставляет: «Наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, на втором месте – разбить ее». Если война ведется ради выгоды, то выгоднее овладеть страной противника, не разорив ее, лучше подчинить себе армию противника, не уничтожая ее, а получив возможность распоряжаться ее живой силой и материальными ресурсами.

Но на войне неминуемо хотя бы частичное уничтожение того, чем стремятся овладеть. Поэтому война – наименее выгодный способ приобретения выгод. «Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь».

В войне на карту ставится все. Об этом говорится в самом начале трактата: «Война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели». Поэтому, прежде чем решиться на войну, необходимо испытать все прочие средства. Какие же это средства?

Во-первых, надо разбить замыслы противника, то есть искусной политикой разрушить план агрессивно настроенного соседа и соответствующими мероприятиями в своей стране сделать осуществление его замыслов невозможным. «На следующем месте – разбить его союзы», то есть добиться международной изоляции врага, когда он вряд ли может решиться на нападение. И только на третьем месте – «разбить его

армию».

Сунь-цзы – сторонник блицкрига. Вся 11-я глава его трактата посвящена аргументации этой доктрины. Сунь У отвергает длительную войну потому, что она невыгодна: «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству». Понять эту мысль несложно: затяжная война ведет к гибели многих людей, к материальным потерям, финансовым затруднениям, к упадку хозяйства и в итоге к разорению страны, бунту и крушению государства.

Как же предупредить такие опасности? Сунь У указывает один способ, которым можно если не полностью устранить трудности войны, то, во всяком случае, значительно облегчить их: надо переложить все тяготы войны на плечи противника, а для этого – перенести военные действия на его территорию. Однако таким путем проблему не решить. Решительное средство – это вступить в войну подготовленным во всех отношениях и провести ее быстро. Ввиду этого в трактате много места отведено вопросам подготовки войны.

Сунь У различает две стороны подготовки: политическую и военную, внутри которых вычленяются подпункты. Прежде всего, стратег говорит о внутриполитической подготовке: воевать можно тогда, когда «мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений».

К области военной подготовки Сунь У относит форми-

рование армии, ее оснащение, хорошую организацию, надлежащим образом поставленное руководство и налаженное снабжение. Из всего этого складывается полнота боевой подготовки. Сунь У в весьма энергичных выражениях требует: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю его нападение на себя невозможным для него».

Очень большое значение Сунь-цзы придает полководцу: хороший полководец – «сокровище для государства». Он – «властитель судеб народа... хозяин безопасности государства». В связи с этим стратег предъявляет к полководцу очень высокие требования. В первую очередь он требует от него наличия пяти качеств: ума, беспристрастности, гуманности, мужества, строгости. Уму придается первостепенное значение.

После того как проведена вся нужная подготовка, необходимо выработать план войны, который должен быть основан на том, что Сунь-цзы называет «расчетами». «Расчеты» – это предварительный учет обстановки, соотношения сил и боевой подготовки.

Что же подлежит учету? Всё, что касается себя и противника, причем именно в сопоставлении. Только знание этого соотношения и может стать прочным основанием оперативного плана. Конкретно взвесить нужно следующее: «Кто

из государей обладает Путем? (На языке Сунь-цзы это означает: у кого в стране достигнуто единство «мыслей народа с мыслями правителя».) У кого из полководцев есть таланты? (То есть перечисленные выше качества.) Кто использовал Небо и Землю? (То есть учел факторы времени и пространства.) У кого выполняются правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены? У кого правильно награждают и наказывают?» Таким образом, взвешиванию подлежат и материальные, и организационные, и моральные факторы войны.

Разумеется, эти расчеты могут быть произведены лишь тогда, когда в распоряжении имеются соответствующие данные, полное знание обеих сопоставляемых сторон. Знание самого себя естественно. Но требуется полное знание еще и противника. Эту мысль Сунь У выражает в своих знаменитых словах: «Если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение».

Но как получить знание противника? Ответ Сунь У однозначен: «Знание положения противника можно получить только от людей». То есть от тайных агентов, шпионов. Подробнее мы поговорим об этом далее.

Сунь У исключительно высоко оценивает значение предварительного расчета: «Кто еще до сражения побеждает

предварительным расчетом, у того шансов много; кто еще до сражения не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня – при виде этого одного – уже ясны победа и поражение».

Конечно, враг тоже будет стремиться собрать необходимую информацию. Поэтому Сунь У уделяет большое внимание сохранению военной тайны. «Передвигая войска, действуй согласно своим расчетам и планам и делай так, чтобы никто не мог проникнуть в них». Замыслы полководца не должны быть известны не только противнику, но и собственной армии, даже подчиненным командирам. Более того, Сунь-цзы советует намеренно вводить в заблуждение не только противника, но и своих солдат. «Полководец должен сам быть всегда спокоен и этим непроницаем для других... Он должен уметь вводить в заблуждение глаза и уши своих офицеров и солдат и не допускать, чтобы они что-либо знали. Он должен менять свои замыслы и изменять свои планы и не допускать, чтобы другие о них догадывались. Он должен менять свое местопребывание, выбирать себе окружные пути и не допускать, чтобы другие могли что-нибудь сообщить».

По Сунь-цзы, победа в сражении – это результат соединения собственной непобедимости для противника с возможностью победить его. Собственная непобедимость – это ре-

зультат доведенной до полноты обороны. Возможность победить противника сводится только к одному – к способности наступать. Настоящая оборона – это не признак слабости. Наоборот, она – признак силы. Об нее разбиваются все усилия противника. Она есть непобедимость. Однако «когда обороняются, значит, есть в чем-то недостаток». «Тот, кто хорошо сражается, может сделать себя непобедимым, но не может заставить противника обязательно дать себя победить», – учит стратег. Именно этого недостает обороняющемуся: возможности победить. Недостает ее потому, что возможность победы над противником заключена в нем самом. Поэтому «в древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего делал себя непобедимым и в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника». «Когда нападают, значит, есть все в избытке», – кратко говорит Сунь-цзы.

Как же всё-таки одерживают победу? «Тот, кто хорошо сражается, стоит на почве невозможности своего поражения и не упускает возможности поражения противника». «Наука верховного полководца состоит в умении оценить противника, организовать победу». Что же подлежит наблюдению и оценке? «Полнота» и «пустота», – отвечает Сунь У.

Под «полнотой» Сунь У подразумевает полноту боевой подготовки, способность к активным действиям, полную неуязвимость для противника. Под «пустотой» подразумевает невершенство подготовки, слабая способность к дей-

ствиям, уязвимость. Вместе с тем слово «полнота» Сунь-цзы прилагает и ко всякому частному случаю, называя так всякий сильный пункт; словом же «пустота» называет любой слабый, уязвимый пункт. Именно за этой «пустотой» у противника, за его дефектами, недостатками, слабыми, уязвимыми сторонами и должен следить полководец. Поэтому особенно важно, чтобы он умел оценивать, так как лишь опытный глаз может открыть наличие уязвимого пункта.

В этом плане характерно название, которое прилагает Сунь У к шпионам: «цзяньчжэ» (по-японски кандзя), где «чжэ» – «человек», а «цзянь» – «промежуток», «щель», через которую шпион проникает во вражеский стан, та «пустота», которую он должен обнаружить у врага.

Полководец должен «пустоте» противника противопоставить свою «полноту», уязвимости противника – собственную неуязвимость, причем именно там, где обнаружилась уязвимость противника. Если у противника обнаружилось утомление, нужно противопоставить ему свежесть своих сил; если у него появился недостаток боеприпасов, нужно противопоставить полноту своего снабжения и т. д. Полководец, сумевший открыть уязвимый пункт противника и противопоставить ему свою собственную неуязвимость, уже тем самым победил. Сражение только оформляет уже достигнутую победу. Сунь У уподобляет удар победившей армии по армии, в сущности, побежденной, удару «камнем по яйцу», «полным по пустому».

Однако «пустота» и «полнота» взаимопреходящи. Японский комментатор Огю Сорай пишет: «Полнота и пустота так меняются, так переходят друг в друга, что между ними нельзя просунуть даже тончайшего волоска. То, что до сих пор было полнотой, вдруг меняется и становится пустотой; то, что до сих пор было пустотой, вдруг меняется и становится полнотой. Как нет раз навсегда установленной полноты, так нет и раз навсегда установленной пустоты».

Сунь У, как говорилось выше, устанавливает положения собственной непобедимости и возможности победить. Первое положение Сунь-цзы связывает с понятием обороны, второе – с понятием наступления. При этом в каждом положении заключены и признак слабости, и признак силы. Положение обороны – это положение силы, при нем противник не может победить. Но в то же время оно – признак слабости, поскольку и противника нельзя победить. Точно так же и с наступлением. Наступление – это состояние, когда я могу победить противника. Но возможность победить, присущая мне, реализуется не одним мной, но и противником, который должен сделать возможным свое поражение. Поэтому в наступлении есть своя сила – возможность победы и своя слабость – зависимость победы от состояния противника.

Но этим не исчерпывается диалектика этих двух явлений. Они сами по себе стоят в диалектическом отношении друг к другу, так как наступление и оборона – по сути дела одно и то же. Окончательную формулу внутреннего соотноше-

ния обороны и наступления дает комментатор «Сунь-цзы» Ли Вэй-гун: «Наступление есть механизм обороны, оборона – орудие наступления. Если наступать, не обороняясь, и не обороняться, наступая, это значит не только считать эти два действия разными вещами, но и видеть в них два различных действия по существу».

Таков закон изменений и превращений «полноты» и «пустоты». Но Сунь У далек от мысли, что следует ограничиться только его наблюдением и констатацией. Он допускает вмешательство в процесс изменений и превращений и более того – овладение им.

Прежде всего, по Сунь У, нужно познать «изменения». Причем это знание не должно быть пассивным, оно должно иметь направленность, целеустремленность. Полководец должен познавать процесс изменений, чтобы обнаруживать в нем то, что ему может быть выгодно. И тогда это знание станет силой. Вообще, процесс изменений и превращений для китайцев есть не что иное, как мировой процесс, содержание всего бытия. Поэтому тот, «кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, называется божеством».

Уже говорилось, что Сунь-цзы считал, что лучше одерживать победу, не воюя. Он указывает: «Можно, не притупляя оружия, иметь выгоду: это и есть правило стратегического нападения». Для этого нужно поставить противника в такое положение, когда он увидит, что борьба бесполезна и

что остается только одно – сдаться. Сунь У полагает, что это вполне возможно, если полководец владеет стратегическим искусством, то есть понимает в совершенстве процесс изменений и превращений на войне и умеет им распоряжаться.

Стратегическое нападение состоит из умелого действия категорией, которую Сунь У называет «формой». «Форма» – это общее состояние армии, ее потенциальная мощь. Она представляет собой производное от «полноты» и «пустоты», она зависит от соотношения сильных и слабых сторон. Поэтому оперирование «формой» есть, по сути дела, оперирование сильными и слабыми сторонами. Эта «форма» должна быть нераспознаваема для противника, чтобы от него были скрыты все мои потенции. «Поэтому предел в придании своему войску формы – это достигнуть того, чтобы этой формы не было», – говорит Сунь-цзы. «Когда формы нет, даже глубоко проникший лазутчик не сможет что-либо подглядеть, даже мудрец не сможет о чем-либо судить». Следовательно, истинная «форма» должна быть от противника скрыта; ему должна быть видима только та «форма», которую я хочу ему показать. И тогда эта демонстрируемая ему «форма» становится орудием стратегического – в широком смысле слова – нападения.

Сунь У утверждает: «Если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы не буду иметь, я сохраню цельность, а противник разделится на части. Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на ча-

сти, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятью нападу на его единицу...» Сунь-цзы уверен в безошибочном действии этого маневра: «Когда тот, кто умеет заставить противника двигаться, показывает ему форму, противник обязательно идет за ним». Поэтому можно и нужно управлять действиями противника так, чтобы поставить его в положение неизбежной капитуляции. Для этого есть различные средства. «Когда противнику что-либо дают, он обязательно берет; выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью». Это значит, что орудия стратегического нападения – выгода и вред. Воздействовать выгодой значит воздействовать приманкой. Создание же угрозы – действие «вредом». «Уметь заставить противника самого прийти – это значит заманить его выгодой; уметь не дать противнику пройти – это значит сдержать его вредом».

Орудиями стратегической борьбы могут быть и такие действия, как наступление и оборона. Комбинируя наступление и оборону, нужно добиваться того, чтобы противник не знал, где он будет со мной сражаться: раз он этого не знает, значит, он должен быть наготове во многих местах, то есть распылить силы. И тогда мой перевес в силах обеспечит почти верную капитуляцию противника и уж наверняка – победу.

Первое и основное правило стратегии Сунь У определяет так: «Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой». Речь идет о сохранении в своих руках всей полноты инициативы. В этом правиле, в сущ-

ности, резюмируется вся стратегическая теория Сунь-цзы. Всё остальное – лишь развитие этого принципа. Управлять действиями противника – это значит, во-первых, управлять его движениями: заставлять идти туда, куда я хочу, и не давать идти туда, куда я не хочу; во-вторых, управлять его боевыми действиями: заставлять его принимать бой там и тогда, когда это мне выгодно, и не давать ему возможности вступить со мной в бой, когда это мне не выгодно.

Сохранить за собой всю полноту стратегической и тактической инициативы можно, во-первых, путем предупреждения противника во всех его действиях. Второй способ управления действиями противника – овладеть тем, что ему дорого: «Захвати первым то, что ему дорого. Если захватишь, он будет послушен тебе». Близко к этому способу действий подходит прием «нападения на то, что противник не может не защищать». Еще один способ – стратегическое маневрирование, вынуждающее противника к тем или иным действиям: «Если я не хочу вступать в бой, пусть я только займу место и стану его оборонять, все равно противник не сможет вступить со мной в бой. Это потому, что я отвращаю его от того пути, куда он идет». Хорошим средством управлять действиями противника Сунь-цзы считает и действия, являющиеся для противника неожиданностью, которыми можно вызвать у него полную растерянность. «У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать».

Сунь У считает, что полководец, умеющий так действовать, является «властителем судеб противника».

Таков общий закон ведения войны. На него опираются общая тактика и частная тактика. В основе общей тактики лежит положение: война – это путь обмана. Сунь-цзы говорит о различных приемах военной хитрости: тактической маскировке, различных предосторожностях, использовании недостатков или ошибок противника, воздействии на него изнутри, воздействии на его психологию. При этом хитрости, обману он придает такое значение, что считает возможным заявить: «В войне устанавливаются на обмане».

К области общей тактики относится и развиваемая Сунь-цзы теория «прямого и обходного путей». Особое значение стратег придает тому, что он называет «тактикой обходного пути». Для Сунь-цзы в обходном пути скрывается прямой; обходный путь нередко ближе и вернее ведет к цели, чем прямой: «Кто заранее знает тактику прямого и обходного пути, тот побеждает. Это и есть закон борьбы на войне».

Главнейшим условием всех действий на войне Сунь-цзы считает быстроту. Быстрота сама по себе уже представляет мощь. Удар по противнику, если он производится с быстротой, «подобной ветру», уже тем самым обладает сокрушительной силой. Сунь-цзы особо указывает, что лучшим на войне является быстрое вторжение на территорию противника. Он рекомендует внимательно следить за всеми действиями врага и подстеречь удобный момент, когда тот

приоткрывает себя. Умение подстергать малейшую оплошность противника при одновременной искусной маскировке собственных намерений Сунь-цзы характеризует очень образно: «Сначала будь как невинная девушка – и противник откроет у себя дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите».

Частная тактика Сунь-цзы состоит из правил о том, как вести бой в различных местностях в зависимости от их топографических и стратегических свойств, как действовать в различных случаях численного соотношения сил сторон и т. д. Сюда же относятся и правила тактической разведки.

Сунь-цзы говорит: «Действий в сражении всего только два – правильный бой и маневр... Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром». При этом стратег подчеркивает, что непроницаемой стены между этими двумя приемами боя нет. Наоборот, их соотношение такое же диалектическое, как и всех прочих элементов стратегии и тактики. Правильный бой в известных условиях переходит в маневр, маневр – в правильный бой. «Действий в сражении всего только два... но изменений в правильном бою и маневре всех и исчислить невозможно. Правильный бой и маневр взаимно порождают друг друга, и это подобно круговращению, у которого нет конца». Таким образом, и в этой области боя господствует закон изменений и превращений, и как всегда, секрет победы заключается в том, чтобы этими изменениями и превращениями овладеть.

Последнее, что осталось отметить в тактике Сунь-цзы, это его учение об ударе. Он требует, чтобы удар был стремительным, рассчитанным, коротким, сокрушительным. Удар наносит не что иное, как «мощь» армии, то есть ее потенциальная сила, слагающаяся из ряда вышеописанных взаимодействующих элементов.

Такова в общих чертах военная доктрина Сунь-цзы. Как видим, она опирается на глубочайшее философское понимание борьбы вообще. Именно в этом кроется причина ее колоссального влияния на многие сферы жизни – в том числе и на японское искусство *ниндзюцу*.

Учение Сунь-цзы и стратагемы

Значение трактата «Сунь-цзы» с точки зрения исследования истории *ниндзюцу* заключается не только в том, что в нем впервые в мировой практике было дано систематическое описание конкретных методов использования шпионов. Вклад китайского стратега в развитие *ниндзюцу* огромен потому, что в своем сочинении он сформулировал особый принцип военного искусства – принцип «стратегического нападения» (перевод Н. И. Конрада) или «нападения посредством стратагемы» (перевод Л. Джайлза).

Перечисляя в I главе своего трактата качества, которые требуются от хорошего полководца, Сунь-цзы на первое место поставил ум. И это не случайно. В главе «Стратегиче-

ское нападение» это требование находит свое объяснение. Полководец должен уметь победить, не сражаясь. А это значит, что он должен уметь «размышлять», «вырабатывать план», «уметь нападать замыслом», «нападать планом». «Самая лучшая война – разбить замыслы противника», – говорит Сунь У. Китайский комментатор Ду Ю пишет: «Тот, кто умеет устранить бедствие, справляется с ним, когда оно еще не зародилось; тот, кто умеет победить противника, побеждает его, когда он еще не имеет формы».

Победить опасность прежде, чем она оформится, можно только в том случае, если удастся заранее раскрыть замысел врага и самому, в свою очередь, разработать такой стратегический план, который позволит при помощи скрытых действий, не вступая в открытое военное противоборство, разрушить его планы. Такие стратегические планы в современной науке называют стратагемами (по-китайски *чжимоу, моулюэ*).

Стратагема – это такой стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Стратагемность как метод составления и использования стратагем зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Уже в «И-цзине», знаменитой гадательной «Книге перемен», основное содержание которой датируется X – VIII вв. до н. э., намечаются некоторые стратагемные варианты поведения.

Стратагема подобна алгоритму, она организует последо-

вательность действий. Стратagemность – это способность предвидеть последствия поступков. Раскрывая способность просчитать ходы в политической или военной игре, а порой и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и свойств противника, она служит образцом активной дальновидности. В Китае уже за несколько столетий до нашей эры выработка стратагем вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями.

Умение составлять стратагемы свидетельствовало о способностях человека, а наличие плана вселяло уверенность в успехе. Поэтому издревле стратегия и стратегические планы стали пользоваться большим уважением. Состязание в составлении и реализации стратагем шло во всем – от политики до игры в китайские облавные шашки (*вэй-ци*). Появился даже специальный термин *чжисдоу*, обозначающий такую состязательность. Стратagemность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии китайцев.

В процессе практики составления и применения стратегических планов сложилась система из 36 классических стратагем. Впервые 36 стратагем упоминаются в «Истории династии Южная Ци», составленной Сяо Цзысяном (489–537). В этом произведении они названы «36 стратагем почтенного господина Тана». Под «господином Таном» имеется в виду знаменитый полководец династии Южная Сун – Тан Даоцзи (420–479).

Точно не известно, что представляли собой «36 стратагем господина Тана», но до наших дней сохранились два позднейших трактата, в которых описаны 36 стратагем. Первый датируется концом династии Мин (1368–1644) и называется «36 стратагем. Тайная книга воинского искусства». Вторым называется «Философия Хунмэнь». Он принадлежит тайному обществу Хунмэнь, основанному, по преданию, китайскими патриотами около 1674 г. для борьбы против чужеземной маньчжурской династии Цин (1644–1911) и восстановления коренной династии Мин. Оба трактата были опубликованы в XX в. Начиная с середины XX в., в КНР, Гонконге и на Тайване многомиллионными тиражами был издан целый ряд исследований 36 стратагем. В 1980-е гг. подробные исследования 36 стратагем были опубликованы в Корее и Японии, что показывает их популярность на всем Дальнем Востоке.

Трактат Сунь-цзы, в котором великий китайский стратег требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем, сыграл едва ли не главную роль в развитии стратагемности и того, что японцы называют *боряку* – «хитрость, уловка, маневр, интрига, заговор». *Боряку* стало одним из ключевых элементов теории и практики *ниндзюцу*, а сами стратагемы и принцип использования стратегических планов с расстановкой ловушек противнику явились фундаментом всего этого искусства. Поэтому Сунь-цзы без преувеличения можно назвать отцом *ниндзюцу* как особого искусства.

Использование шпионов в доктрине Сунь-цзы

Глава «Использование шпионов» занимает в «Сунь-цзы» одно из главнейших мест. Объясняется это исходными посылками автора, который утверждает необходимость знания себя и противника и использования обмана. При этом шпионы – это единственный достоверный источник информации о враге. И Сунь У пишет о них:

«1. ...Когда поднимают стотысячную армию, выступают в поход за тысячу миль, издержки крестьян, расходы правителя составляют в день тысячу золотых. Внутри и вовне – волнения; изнемогают от дороги и не могут приняться за работу семьсот тысяч семейств.

2. Защищаются друг от друга несколько лет, а победу решают в один день. И в этих условиях жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника – это верх негуманности. Тот, кто это жалеет, не полководец для людей, не помощник своему государю, не хозяин победы.

3. Поэтому просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед.

4. Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем умозаключений по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения

противника можно получить только от людей.

5. Поэтому пользование шпионами бывает пяти видов: бывают шпионы местные, бывают шпионы внутренние, бывают шпионы обратные, бывают шпионы смерти, бывают шпионы жизни.

6. Все пять разрядов шпионов работают, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной. Они – сокровище для государя.

7. Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника и пользуются ими; внутренних шпионов вербуют из его чиновников и пользуются ими; обратных шпионов вербуют из шпионов противника и пользуются ими. Когда я пускаю в ход что-либо обманное, я даю знать об этом своим шпионам, а они передают это противнику. Такие шпионы будут шпионами смерти. Шпионы жизни – это те, кто возвращается с донесением.

8. Поэтому для армии нет ничего более близкого, чем шпионы; нет больших наград, чем для шпионов; нет дел более секретных, чем шпионские. Не обладая совершенным знанием, не сможешь пользоваться шпионами; не обладая гуманностью и справедливостью, не сможешь применять шпионов; не обладая тонкостью и проницательностью, не сможешь получить от шпионов действительный результат. Тонкость! Тонкость! Нет ничего, в чем нельзя было бы пользоваться шпионами.

9. Если шпионское донесение еще не послано, а об этом

уже стало известно, то и сам шпион, и те, кому он сообщил, предаются смерти.

10. Вообще, когда хочешь ударить на армию противника, напасть на его крепость, убить его людей, обязательно сначала узнай, как зовут военачальника у него на службе, его помощников, начальника охраны, воинов его стражи. Поручи своим шпионам обязательно узнать все это.

11. Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя. Ибо ты сможешь приобрести обратного шпиона и пользоваться им. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь приобрести и местных шпионов, и внутренних шпионов и пользоваться ими. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь, придумав какой-нибудь обман, поручить своему шпиону смерти ввести противника в заблуждение. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь заставить своего шпиона жизни действовать согласно твоим предположениям.

12. Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь. Но узнают о противнике обязательно через обратного шпиона. Поэтому с обратным шпионом надлежит обращаться особенно внимательно.

13. В древности, когда поднималось царство Инь, в царстве Ся был И Чжи; когда поднималось царство Чжоу, в царстве Инь был Люй Я. Поэтому только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами

людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела. Пользование шпионами – самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия».

Характерно, что Сунь-цзы назвал свою главу о шпионах именно «Использование шпионов». Иметь шпионов еще недостаточно, нужно уметь ими пользоваться. Именно в этом состоит искусство полководца. Иными словами, эти наставления стратега адресованы военачальнику.

Комментатор трактата Чжан Юй говорит, что это искусство состоит в умении сохранять строжайшую тайну. Японец Огю Сорай понимает дело шире. «Чтобы узнать что-либо о противнике, – говорит он, – нет ничего лучшего, чем шпионы. Но есть шпионы преданные, есть и изменники. Одни по своим способностям пригодны для шпионской работы, другие нет. В донесениях шпионов бывают и правда, и ложь; в том, что они говорят, бывает трудно разобраться, – что есть на самом деле и чего нет. Поэтому употребление шпионов – большое дело для армии». Сорай ссылается на примеры неудачного использования шпионов, засылки в стан врага лиц, не пригодных для подобной работы. Поэтому дело не столько в самих шпионах, сколько в умелом пользовании ими.

Сунь У называет отказ от организации шпионажа или недостаточное внимание к разведывательной работе «верхом негуманности». Он указывает на тяготы войны для фи-

нансов государства, на разорение населения и упадок хозяйственной жизни. Поэтому войну надлежит «решать» как можно скорее. «Решить войну» означает победить противника. Облегчить же победу, а главное, ускорить ее может полное знание врага. Поэтому Сунь-цзы и говорит: «Жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника – это верх негуманности». Кому же раздавать эти титулы, награды, деньги? Разумеется, шпионам.

Сунь-цзы утверждает: «Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед». Каким же способом можно это знание получить? Сунь-цзы говорит: «Знание положения противника можно получить только от людей». «Только через шпионов», – уточняет комментатор Ли Цюань.

Обрисовав таким образом необходимость шпионской работы, Сунь-цзы переходит к перечислению различных категорий шпионов. Он выделяет пять их: шпионы местные (яп. *инкан*), шпионы внутренние (яп. *найкан*), шпионы обратные (яп. *ханкан*), шпионы смерти (яп. *сикан*), шпионы жизни (яп. *сёкан*). Если перевести эти названия на современный язык, то первая категория – информаторы, вторая – агенты в лагере противника из среды его собственных служащих, третья – агенты противника, используемые против него самого, четвертая – лазутчики и диверсанты, пятая – разведчики. Считается, что это – наиболее древняя из всех известных клас-

сификаций шпионов.

Сунь-цзы сам достаточно подробно объясняет значение каждой категории шпионов. Но следует отметить и тот факт, что некоторые комментаторы трактата развили его идеи. Например, Ду Му говорит о наборе шпионов жизни: «В шпионы жизни надлежит выбирать людей, внутренне просвещенных и умных, но по внешности глупых; по наружности – низменных, сердцем же – отважных; надлежит выбирать людей, умеющих хорошо ходить, здоровых, выносливых, храбрых, сведущих в простых искусствах, умеющих переносить и голод, и холод, оскорбления и позор». Ду Ю указывает на другие качества, требуемые от шпионов жизни: «Выбирают таких, кто обладает мудростью, талантами, умом и способностями, кто в состоянии сам проникнуть в самое важное и существенное у противника, кто может понять его поведение, уразуметь, к чему идут его поступки и расчеты, уяснить себе его сильные стороны и, вернувшись, донести об этом мне». А японец Огю Сорай говорит и о том, о чем не упоминают его китайские коллеги более ранних времен: как нужно засылать таких агентов: под видом «шаманов, *ямабуси*, монахов, горожан, врачей, гейш».

В приведенных выше словах Ду Му содержится, между прочим, требование выбирать для шпионской работы людей, сведущих в «простых искусствах». Это рисование и счет, в частности, умение производить всякие измерения и исчисления. Следовательно, Ду Му предполагал и такую работу,

которая требует умения сделать зарисовку, набросать план, вычислить расстояние и т. п.

Деятельность пяти категорий шпионов чрезвычайно разнообразна и всеохватывающа. Отсюда и требования, предъявляемые к лицу, пользующемуся шпионами, руководящему их работой. Первое, что требуется, это ум. «Потому что, – поясняет Ду Му, – нужно сначала оценить характер шпиона, его искренность, правдивость, многосторонность ума, и только после этого можно пользоваться им». Мэй Яо-чэнь считает, что полководцу нужен большой ум, чтобы распознать «в донесении шпиона ложь, различить правильное и неправильное».

Далее, требуются гуманность и справедливость. Комментатор Мэн-ши говорит об этом: «Когда гуманность и справедливость проявляются, к такому человеку приходят все мудрые; а если приходят все мудрые, он может пользоваться и шпионами». Мэн Яо-чэнь ставит вопрос конкретнее: «Если обласкаешь шпионов своей гуманностью, покажешь им свою справедливость, сможешь ими пользоваться. Гуманностью привязывают к себе сердца их, справедливостью воодушевляют их верность. Гуманностью и справедливостью руководят людьми».

Третье – это тонкость и проницательность. Нужно уметь распознать, что истина и что ложь в донесениях шпиона. Проницательность необходима и для того, чтобы оградить себя от шпиона, подосланного противником. Вообще, про-

нищательность имеет колоссальное значение. Об этом говорит Сорай: «Можно использовать и все то, что наблюдаешь глазами, слышишь ушами; ветром, дующим в поднебесье, ручьем, протекающим в долине, пением петухов, лаем собак – всем этим искусный полководец может воспользоваться как шпионами».

Ясно, что знать, с кем имеешь дело, важно, чтобы определить свою тактику борьбы с ним. «Когда хотят произвести нападение, совершенно необходимо узнать, кто находится на службе у противника, кто из них умен, кто искусен, кто нет, и тогда, взвесив их способности, сообразно с этим действовать против них», – говорит Ду Му. Но знать противника нужно и для шпионской работы. Ведь шпионы могут работать хорошо только тогда, когда знают, с кем имеют дело. Эта мысль отражена в толковании Мэй Яо-чэня: «Если я поручу своим шпионам заранее узнать все это, мои шпионы смогут действовать».

Особое значение Сунь-цзы придает «обратному шпиону». Поэтому он подробно говорит о его перевербовке. Еще более подробные указания дает комментатор Ван Чжэ: «Нужно со всей заботливостью поместить его, пустить в ход всякие ухищрения в своем красноречии, проявить к нему самую глубокую любовь и после этого насытить его богатыми дарами и пригрозить ему ужасным наказанием».

Что же может дать такой обратный шпион? На это отвечает Чжан Юй: «Через обратного шпиона ты будешь знать, кто

из жителей его страны падок до денег, у кого из его чиновников какие недостатки». Таким путем можно будет приобрести себе и местных, и внутренних шпионов. «Через обратного шпиона ты будешь знать, как обмануть противника».

Таким образом, через обратного шпиона открываются самые надежные пути для организации шпионской сети по всем направлениям, а также для обеспечения самых верных условий для шпионской работы. «Начало всей шпионской работы зависит от обратного шпиона», – говорит Мэн Яочэнь.

Сунь-цзы особо подчеркивает: «Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь».

В своем трактате Сунь У говорит и о признаках, по которым можно догадаться о замыслах противника:

«Если речи противника смиренны, а боевые приготовления он усиливает, значит, он выступает. Если его речи горделивы, и он сам спешит вперед, значит, он отступает...

Если полководец разговаривает с солдатами ласково и учтиво, значит, он потерял свое войско. Если он без счету раздает награды, значит, войско в трудном положении. Если он бессчетно прибегает к наказаниям, значит, войско в тяжелом положении. Если он сначала жесток, а потом боится своего войска, это означает верх непонимания военного искусства.

Если противник является, предлагает заложников и просит прощения, значит, он хочет передышки. Если его вой-

ско, пылая гневом, выходит навстречу, но в течение долгого времени не вступает в бой и не отходит, непременно внимательно следи за ним.

Дело не в том, чтобы все более и более увеличивать число солдат. Нельзя идти вперед с одной только воинской силой. Достаточно иметь ее столько, сколько нужно для того, чтобы справиться с противником путем сосредоточения своих сил и правильной оценки противника. Кто не будет рассуждать и будет относиться к противнику пренебрежительно, тот непременно станет его пленником».

Особое внимание Сунь У рекомендует уделять поведению послов. И это понятно: послы традиционно выступали в качестве шпионов. Весьма подозрительно, когда вдруг от врага являются послы, «просят прощения и предлагают заложников». Это означает, что противник хочет выиграть время, что состояние у него настолько тяжелое, что он должен получить «передышку» для того, чтобы потом снова начать войну.

Вообще поведение послов следует зачастую понимать обратно: если они держатся смиренно и даже униженно, а военные приготовления у них в то же время идут, не ослабевая, это значит, что противник готовится к нападению; если же они держатся заносчиво и дерзко, а войска тем временем производят как будто угрожающие передвижения, это значит, что противник только стремится замаскировать свою слабость и обеспечить себе беспрепятственное отступление.

Некоторое внимание Сунь У уделил и «войсковой разведке». Однако в этой области китайцы, по-видимому, были не слишком сильны. Поэтому все указания Сунь У на этот счет ограничиваются лишь описанием признаков, раскрывающих намерения врага, так называемых разведывательных примет.

«Если в районе движения армии окажутся овраги, топи, заросли, леса, чащи кустарника, непременно внимательно обследуй их. Это места, где бывают засады и дозоры противника.

Если противник, находясь близко от меня, пребывает в спокойствии, это значит, что он опирается на естественную преграду. Если противник далеко от меня, но при этом вызывает меня на бой, это значит, что он хочет, чтобы я продвинулся вперед. Если противник расположился на ровном месте, значит, у него есть свои выгоды.

Если деревья задвигались, значит, он подходит. Если устроены заграждения из трав, значит, он старается ввести в заблуждение. Если птицы взлетают, значит, там спрятана засада. Если звери испугались, значит, там кто-то скрывается. Если пыль поднимается столбом, значит, идут колесницы; если она стелется низко на широком пространстве, значит, идет пехота; если она поднимается в разных местах, значит, собирают топливо. Если она поднимается то там, то сям, и при этом в небольшом количестве, значит, устраивают лагерь.

Если легкие боевые колесницы выезжают вперед, а войско

располагается по сторонам их, значит, противник строится в боевой порядок. Если он, не будучи ослаблен, просит мира, значит, у него есть тайные замыслы. Если солдаты у него забегали и выстраивают колесницы, значит, пришло время. Если он то наступают, то отступает, значит, он заманивает. Если солдаты стоят, опираясь на оружие, значит, они голодны. Если они, черпая воду, сначала пьют, значит, они страдают от жажды. Если противник видит выгоду, но не выступает, значит, он устал.

Если птицы собираются стаями, значит, там никого нет. Если у противника ночью перекликаются, значит, там боятся. Если войско дезорганизовано, значит, полководец неавторитетен. Если знамена переходят с места на место, значит, у него беспорядок. Если его командиры бранятся, значит, солдаты устали. Если коней кормят пшеном, а сами едят мясо; если кувшины для вина не развешивают на деревьях и не идут обратно в лагерь, значит, они – доведенные до крайности разбойники».

Кто привез «Сунь-цзы» в Японию?

Кто же привез знаменитый трактат в Страну восходящего солнца? С какого времени началось его изучение в Японии?

В источниках на этот счет имеется совершенно точное указание. Летопись «Сёку Нихонги» («Продолжение анна-

лов Японии») ¹¹ утверждает, что «Сунь-цзы» привез в Японию Киби-но Макиби, который дважды плавал в Китай в качестве посла. Первый раз – в 716–735 гг., второй – в 752–754 гг. Во время пребывания в Срединном царстве Макиби усиленно изучал китайскую классику. Вернувшись на родину, он привез с собой большую коллекцию книг, и среди них – знаменитые трактаты по военному искусству: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Лютао», «Саньлюэ» и другие. Киби-но Макиби был не только коллекционером литературных произведений, но и прекрасно усвоил их наставления. Согласно «Сёку Нихонги», он даже применял на практике советы Сунь У – в войнах с врагами японских императоров и в обучении воинов.

Однако некоторые данные позволяют предположить, что «Сунь-цзы» и другие китайские военные трактаты попали в Японию еще раньше. Их могли привезти китайские или корейские иммигранты, коих немало переселилось на острова в I–VI вв. н. э. Так, в японских источниках можно найти скрытые цитаты из «Сунь-цзы». Например, в «Нихонги» под 527 г. император Кэйтай наставляет главнокомандующего своей армии Мононобэ-но Аракапи-но Опомурази: «Доблесть достойного полководца состоит в том, чтобы распространять добродетель и насаждать снисходительность; управляя людьми, проявлять сдержанность. В бою же он – как быстрая река, в сражении он – как буря... Сам на-

¹¹ Хроника, охватывающая период с 697 по 791 г.

граждай и наказывай...» В этих наставлениях явно чувствуется влияние «Сунь-цзы». Таким образом, можно предположить, что знаменитый трактат о военном искусстве попал в Японию задолго до середины VIII в., когда его список привез Киби-но Макиби. Во всяком случае, уже в «Нихон гэндзайсё мокуроку» («Каталог книг, имеющихся в настоящее время в Японии», 891 г.) упоминаются 6 разных списков «Сунь-цзы».

Корейские «уроки»

Возможно, японцы не смогли бы оценить всей глубины и значимости «Сунь-цзы» и других трактатов китайских стратегов, если бы у них не было «учителей», на практике демонстрировавших превосходство выверенной теории перед спонтанными акциями. Такими учителями для обитателей Страны восходящего солнца явились корейцы, на несколько столетий ранее приобщившиеся к китайской цивилизации. Интересно, что и первое упоминание в японских текстах слова «шпион» (яп. *кантё*) связано как раз с корейцами. В «Нихонги» под 9-м годом правления императрицы Суйко (601 г.) сообщается: «Осень, 9 луна, 8 день. Шпион из Силла [по имени] Камада добрался до Тусима (Цусима). Его схватили и доставили ко Двору. Он был сослан в Камитукэно (Кодзукэ)».

В другой раз корейцы сумели при помощи хитроумного

плана выкрасть своего принца из японского плена.

Вот как рассказывает эту историю корейская летопись Тонкам (том 4, 18; 418 г.): «Пак Чэсан из Силла поехал в Ва (Япония) и умер там. Младший брат вана Мисахын приехал из Ва. Перед этим Пок-хо (другой брат вана, который был послан заложником в царство Когурё) вернулся. Ван обратился к Чэсану со словами: «Моя любовь к двум моим младшим братьям подобна любви к левой и правой рукам. Сейчас у меня есть только одна рука. Какую же это имеет цену?»

Чэсан сказал: «Хотя мои способности – это всего лишь способности загнанного коня, я посвятил себя службе своей стране. Какая причина может быть у меня для отказа от этого? Однако Когурё – это великая страна, и кроме того ее ван мудр. Твой слуга смог заставить его понять одними словами. Что же касается Ва, то нужно использовать стратегию, чтобы обмануть их, а не убеждать их губами и языком. Я притворюсь, что совершил преступление и скрываюсь. После того, как я уйду, я прошу тебя арестовать семью твоего [покорного] слуги».

Так он поклялся своей жизнью не встречаться более со своей женой и детьми и отправился в Нюль-пхо. Якорная цепь уже была выбрана, когда его жена приехала за ним, горестно причитая. Чэсан сказал: «Я уже взял свою жизнь в свои руки и уезжаю на верную смерть».

Через некоторое время он поехал в страну Ва, где стал выдавать себя за мятежника. Правитель Ва засомневался в

этом. Перед этим люди из Пэкче приезжали в страну Ва и сделали ложный доклад, сказав: «Силла и Когурё сговариваются вместе, чтобы напасть на Ва». Правитель через некоторое время послал войска охранять границу. И когда когурёсцы, вторгнувшись в Силла, убили и этих стражников, правитель Ва понял, что история, рассказанная людьми из Пэкчэ, была правдой. Но когда он услышал, что ван Силла заключил в тюрьму семьи Мисахына и Чэсана, он подумал, что Чэсан действительно был мятежником. Поэтому он послал армию для нападения на Силла, а Чэсана и Мисахына сделал [ее] проводниками. Когда армия добралась до одного острова в море, военачальники стали тайно совещаться, как им разгромить Силла и вернуться с женами и детьми Чэсана и Мисахына. Чэсан, зная это, ежедневно отплывал с Мисахыном на лодке под предлогом прогулок. Люди Ва ничего не подозревали. Чэсан посоветовал Мисахыну тайно вернуться в свою страну. Мисахын сказал: «Как хватит у меня сердца покинуть тебя, господин мой, и вернуться одному?» Чэсан сказал: «Предположим, что мне удастся спасти жизнь моего принца и осчастливить великого вана, этого будет вполне достаточно, почему же я должен так любить жизнь?» Мисахын заплакал и удалился, чтобы бежать назад в свою страну. Чэсан один спал в лодке. Он поднялся под вечер и дождался, пока Мисахын не был уже далеко. Люди Ва, когда они обнаружили, что Мисахын исчез, связали Чэсана и погнались за Мисахыном, но надвигались тьма и туман, и они не смогли

догнать его. Правитель Ва был разъярен. Он бросил Чэсана в тюрьму и спросил его: «Почему ты тайно отослал Мисахына?» Чэсан сказал: «Как подданный [страны] Кэрим (Силла) я просто хотел исполнить желание моего повелителя». Правитель Ва разгневался и сказал: «Поскольку ты теперь стал моим вассалом, если ты называешь себя подданным Кэрим, ты должен быть подвергнут пяти наказаниям. Но если ты назовешь себя подданным страны Ва, я непременно щедро награжу тебя». Чэсан сказал: «Я лучше буду псом-игрушкой Кэрим, чем подданным страны Ва. Пусть меня лучше выпорют в Кэрим, чем я буду получать звания и награды в стране Ва». Правитель Ва разгневался. Он содрал кожу с ног Чэсана, срезал осоку и заставил его пройти по ее стерне. Потом он спросил у него: «Какой же страны ты подданный?» Он отвечал: «Я – подданный Кэрим». Он также заставил его стоять на раскаленном железе и спросил его: «Какой же страны ты подданный?» Он отвечал: «Я – подданный Кэрим». Правитель Ва, видя, что ему не сломить его, предал его смерти через сожжение».

В целом, в области шпионажа корейцы следовали китайским образцам. Поэтому роль шпионов чаще всего выполняли послы.

Интересную информацию об использовании шпионов дает корейская летопись «Самгук саги». В разделе «Летописи Когурё» рассказывается, что в 11-м году правления вана Юри (9 г. до н. э.) когурёсцы использовали своего шпиона

для борьбы с сяньбийским царством: «Летом, в четвертом месяце, ван созвал своих сановников и сказал им: «Сяньбийцы, надеясь на неприступность [своих владений], не хотят с нами мира и дружбы. Когда [им] удобно, они нападают и грабят [нас], а когда невыгодно – уходят [к себе] и защищаются. [Вот почему они] вызывают беспокойство [нашего] государства. И если [среди вас] найдется человек, который сможет покорить их, я награжу [его] очень щедро». Выступил Пубунно и ответил: «Сяньби – это крепкая и неприступная страна, люди же ее смелы, но простоваты. Справиться силой трудно, легче согнуть их хитростью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.